Цена номера 5 копеек.

РЕДАКЦИЯ — Москва, Тверской бул., 25, Дом Герцена. Тел 5-30-85
Прием в секретариате редакции ежедневно от 2 до 4 ч
ИЗДАТЕЛЬСТВО — Акц. Изд. О-во „Огонек", Москва, 6. Страстной бульвар, № 11. Телефон 5-51-69.
МОСКОВСКАЯ КОНТОРА — Тверская, 37, (уг. М. Гнездниковского). Телефон 1-28-19 и 1-28-20.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
С 1 мая до конца года — 1 руб. 50 коп., на 6 мес. — 1 руб. 20 коп., на 3 мес. — 60 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 14. Понедельник, 22 июля 1929 г.

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей.

Выходит еженедельно.

В НОМЕРЕ.

СТАТЬИ: Передовая, Н. Изгоев (1 стр.), От редакции (2 стр.), И. Эльвин (3 стр.).
КРИТИКА: Д. Благой, Л. Авербах (2 стр.), Н. Замошкин, М. Роги, Е. Габрилович (3 стр.).
ПИСАТЕЛИ НА ФРОНТЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ: А. Исбах (2 стр.).
СТИХИ: О. Колычев (2 стр.).
ФЕЛЬЕТОН: Д. Маллори (3 стр.).
РИСУНКИ И ШАРЖИ: Кукрыниксы, Рождественский.

ЗА III ЗАЕМ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Пятилетний план строительства, к выполнению которого приступила наша страна, этот план великих работ требует от всех трудящихся величайшего энтузиазма и напряжения. Он должен поставить Союз Советских Республик на одно из первых мест в отношении промышленной мощи и хозяйственного значения; достаточно упомянуть, что осуществление пятилетки обеспечивает нам более, чем трехкратное увеличение промышленной продукции по сравнению с довоенным временем.

Организация новой материальной базы нашей индустрии, коллективизация и механизация сельского хозяйства могут быть проведены лишь при наличии крупных средств, вложение которых в промышленность уже началось. Трудящиеся нашей страны прекрасно сознают это и на деле подтверждают свою готовность притти на помощь своей стране, нуждающейся в крупных суммах для индустриализации. Успех первого и второго займов индустриализации служит лучшим тому доказательством.

Движимые горячим желанием возможно полнее и быстрее осуществить поставленные задачи, трудящиеся сами берут на себя инициативу выпуска 3-го займа индустриализации и сами принимают настойчивые меры к его реализации. Призыв передовых рабочих встретил единодушный отклик среди самых широких кругов рабочего класса. Со всех сторон посыпались заявления о желании подписаться на 3-й заем, и случаи, когда отдельные рабочие подписываются на 2-х и 3-месячный оклад своего содержания, не редки.

Предварительная подписка на заем растет изо-дня в день. Она охватывает все слои населения, и совершенно естественно, что писательская общественность не может и не должна остаться в стороне от этого важного почина. В Федерацию Об'единений Советских Писателей уже начали поступать заявления от писателей о необходимости поддержать инициативу рабочих и об'явить предварительную подписку на 3-й заем индустриализации. Писательская общественность ясно представляет себе задачи, стоящие перед рабочим классом, и писатели поддержат инициативу масс в отношении займа.

Но не только личным примером, подписываясь на заем, должны писатели участвовать в этом общем деле, — они должны также выступить здесь и как пропагандисты, как общественники, как люди, к голосу которых прислушиваются тысячи.

Наши враги не дремлют. Провокационный захват Китайско-Восточной ж. д. ставит нас перед непосредственной угрозой войны, вопреки всем нашим искренним миролюбивым намерениям. Империалистические разбойники не хотят нам больше давать отсрочки для нашего социалистического строительства, ибо они отлично понимают, что каждый новый год нашего строительства приближает их гибель. Мы поставили себе целью в возможно кратчайший срок не только догнать, но и опередить капиталистические страны, и мы должны этого добиться. Осознать свой общественный долг, раз'яснить путем художественного слова задачи, стоящие перед рабочим классом, — такова высокая обязанность наших писателей.

ОБУЧИМ 36 ТЫСЯЧ НЕГРАМОТНЫХ

ДОГОВОР МЕЖДУ ЗАМОСКВОРЕЧЬЕМ И ХАМОВНИКАМИ

В Америке насчитывается всего 5—6 проц. неграмотных, во Франции эта цифра повышается до 9 проц, а в СССР больше половины всего населения—60 проц. жителей не умеют ни читать, ни писать. По культурности мы стоим на 23-м месте среди других государств.

Эти показатели нашей культурной отсталости привел в своем докладе выступавший вчера в парке Культуры и Отдыха на митинге «За грамотность, за культуру» член ВЦИК тов. Морозов.

Можем ли мы при наличии такого громадного массива безграмотных строить социалистическое общество и успешно продвигаться по пути индустриализации страны? Разумеется, что культурная отсталость большая помеха этому, и сейчас главные наши усилия должны быть направлены на преодоление такого серьезного препятствия.

— Неграмотность—это язва на теле нашей стране. Рассчитывать только на «докторов», т.-е. только на Наркомпрос, в излечении этой болезни нельзя, так как одни они с ней не справятся. Весь СССР—все грамотное население, как один многомиллионный хирург, должно взяться за излечение этих ран.

Выступавшие вслед за тов. Морозовым говорили о необходимости добиться того, чтобы неграмотность расценивалась у нас как постыдное явление, чтобы неграмотному было стыдно окружающих. Представитель райкома ВЛКСМ Замоскворечья дал торжественное обещание мобилизовать на борьбу с неграмотностью все 18.000 комсомольцев, проживающих в районе.

Митинг закончился торжественным подписанием договора социалистического соревнования, заключенного между Замоскворецким и Хамовническим районами на борьбу с трехглавой гидрой—невежеством, неграмотностью и некультурностью. **Представители районных обществ «Долой неграмотность» взяли на себя обязательство ликвидировать к 1 мая 1930 года безграмотность 36.500 человек, то-есть всех неграмотных трудящихся в возрасте от 16 до 35 лет, проживающих в Замоскворецком и Хамовническом районах.**

После митинга состоялся парад малышей из детского города парка Культуры и Отдыха. Ребятишки несли гигантские карандаши, ручки, азбуки и др. атрибуты грамотности. Большой плакат требовал от неграмотных родителей немедленно засесть за азбуку.

КУЛЬТУРА ЧЕРЕЗ КООПЕРАЦИЮ

В субботу вечером, закрылось 3-е Всесоюзное совещание по вопросам культурной работы потребительской кооперации.

Рост книготорговой сети потребкооперации за последние годы весьма значителен. На 1 июня 1929 г. мы имеем **11.990** книготорговых точек (кроме Украины) против **4.290** магазинов и лавок в 1927 г. Но эта сеть крайне неравномерно распределена по стране. Например, если в ЦЧО мы имеем 1.760 книготорговых пуктов потребкооперации, то **в Дальне-Восточном крае—только 23, Бурято-Монгольской области—1 магазин, а в Дагестанской, Якутской—ни одного.**

Распространение книги через потребкооперацию должно итти в тесной связи со всей ее культурно-общественной работой. Она должна себе поставить задачей максимальную реализацию продукции всех основных советских издательств. На деревенском рынке надо добиться полного удовлетворения запросов как индивидуального, так и коллективного потребителя книги.

Потребкооперация должна провести усиленную кампанию по распространению книги путем массового книгоношества, развертывания книжной торговли на ярмарках и базарах и широкой популяризации книги.

Центросоюз должен усилить проработку издательских планов основных издательств и популяризовать издательские планы по книготорговой сети, постепенно вводя в систему предварительные централизованные заказы по основным издательствам и видам литературы.

Совещание высказалось за срочную и систематическую подготовку книжных работников на краткосрочных курсах, в кооперативных техникумах и т. п.

⁂

По пятилетнему плану культработы потребкооперации, количество ее кинопередвижек составит **75 проц.** общего числа находящихся в стране, **30.000 радио-установок и 12 млн. слушательских точек охватит систему к 1933 г.** (из них **4 млн. точек в деревне).** Удельный вес потребительской кооперации в книжной торговле (без Украины) поднимется с 10 проц. в 1928—29 г. **до 45 проц.** в 1932—33 г. Весь кооперативный культфонд за 5 лет составит сумму свыше **300 млн. рублей.**

Совещание подчеркнуло, что основное внимание потребкооперации нужно обратить на широкое обслуживание культработой крестьянства. 16 млн. крестьянского населения охватывает потребкооперация в деревне. К этой работе кооперация должна привлечь культурные силы села, комсомол и учительство. Базой антиалкогольной и антирелигиозной работы должна быть изба-читальня, клуб, дом крестьянина и культурная чайная.

КОГДА ОТКРОЕТСЯ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВУЗ

НА СОВЕЩАНИИ В НАРКОМПРОСЕ

18 июля в Наркомпросе состоялось первое заседание особой комиссии Главпрофобра по вопросу реорганизации ВГЛК в литературный вуз.

Зав. отделом художественного образования Главпрофобра сообщил следующее.

— Литотдел Главискусства уже разработал положение о литвузе, в задачу которого входит дать начинающим писателям обще-идеологическое литературное образование, а также специальные технические навыки. Литературный вуз должен готовить квалифицированных редакционно-издательских работников по разделу художественной литературы, критиков, руководителей литературно-творческих кружков, квалифицированных переводчиков художественной литературы и сценаристов кино. Срок обучения в литвузе намечается трехлетний.

О важности создания литвуза говорил и член правления ГИЗ'а т. Вольфсон.

— Пятилетний план ГИЗ'а предусматривает к 1933 г. выпуск **2 миллиардов 400 миллионов оттисков и до 8—10 тысяч названий книг,** — заявил т. **Вольфсон.** — Для нас проблема кадров литработников сейчас приобретает особенно важное значение. От литературного вуза мы ждем специалистов литературной техники, в которых мы испытываем особую нужду.

Совещание признало в основном правильной целевую установку и структуру литвуза, намеченную Главискусством. Решено поручить подкомиссии Главпрофобра детально проработать учебный план и программу литвуза.

При литературном вузе намечено организовать подготовительные курсы и отделения.

Совещанием выделено 3 подкомиссии, в числе которых: административно-хозяйственная, которой поручено в 5-дневный срок представить соображения о смете, штатах, помещении и о возможности открытия литвуза этой осенью.

ОТКРЫЛСЯ АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС МОЛОДЕЖИ

НА КОНГРЕССЕ ПРЕДСТАВЛЕНО 19 СТРАН

РЕВОЛЮЦИОННАЯ МОЛОДЕЖЬ БУДЕТ ВСЕМИ СРЕДСТВАМИ ЗАЩИЩАТЬ ОТЕЧЕСТВО ВСЕХ ТРУДЯЩИХСЯ СССР.

Специальный корреспондент ТАСС сообщает из Франкфурта-на-Майне: Анти-империалистические дни во Франкфурте-на-Майне начались 20 июля открытием анти-империалистического конгресса молодежи.

На конгрессе участвуют представители молодежи Индии, Китая, Индонезии, Латинской Америки, Северной Африки, Монголии, Франции, Англии, Японии, Кореи, Норвегии, Швеции, Балканских стран, Голландии, Швейцарии, Бельгии, Германии, а также представители Коммунистического Интернационала Молодежи и Красного Спортинтерна. Открытие конгресса прошло под знаком борьбы против военной опасности, в связи с неслыханной провокацией нанкинского правительства.

На конгрессе присутствуют члены исполкома Антиимпериалистич. лиги.

Открывая конгресс, тов. Лейббранд (Германия) сообщил, что делегаты советской молодежи находятся в пути. Конгресс встретил это сообщение бурными аплодисментами.

Дав краткий обзор международного положения, Лейббранд охарактеризовал движущие силы событий на Дальнем Востоке и подчеркнул, что сочувствие анти-империалистической молодежи не на стороне предателя национально-освободительного движения Китая Чан Кай-ши, а на стороне трудящихся масс Китая и СССР, которые обязаны дать всеми средствами отпор наступлению нанкинского правительства, предпринимаемому по приказу империалистов. Сочувствие анти-империалистической молодежи Советскому Союзу будет иметь практическое значение в случае войны.

ПРЕЗИДИУМ КОНГРЕССА. ПОРЯДОК ДНЯ.

От имени исполкома Анти-империалистической лиги конгресс приветствовал т. Саклатвала. Он указал, что анти-империалистическая молодежь является надеждой и будущностью Лиги борьбы с империализмом и угнетением колониальных народов. Саклатвала подчеркнул необходимость организационного оформления анти-империалистического движения молодежи всего мира. Заканчивая свою приветственную речь, Саклатвала клеймит позором разбойничьи действия нанкинского правительства, провоцирующего войну.

В президиум конгресса избраны: Косарев (СССР), Шаик (Индия), До Ти-ни (Китай), Рахман (Индонезия), Пюкор и Кониате (Северная Африка), Хурвиц (Латинская Америка), Рэст (КИМ), Альфред (Профинтерн), Лейббранд и Рюккер (Германия), Кондон (Англия), Дюфур (Франция), Альбада (Голландия).

Принимается следующий порядок дня: 1) задачи трудящейся молодежи в борьбе против империалистической войны (докладчик вместо заболевшего Барбюсса — Рэст); 2) положение трудящейся и учащейся молодежи в колониях и деятельность национально-революционных организаций молодежи (пять докладчиков — представители Индии, Китая, Индонезии, Латинской Америки и САСШ); 3) задачи трудящейся молодежи Европы и Северной Америки в деле поддержки освободительной борьбы в колониях (три докладчика — представители Франции, Англии и Германии); 4) жизнь и борьба трудящейся молодежи в СССР (докладчик тов. Косарев) и 5) организационные вопросы и выборы.

ДОКЛАД т. РЭСТА.

Выступивший с докладом о задачах трудящейся молодежи в борьбе против империалистической борьбы Рэст охарактеризовал международное положение, особо останавливаясь на советско-китайском конфликте. Рэст подчеркнул, что нанкинское правительство является только исполнительным органом империалистов, и в особенности Англии и Америки. „Новое английское правительство нашло время заключить морское соглашение с нанкинским правительством, однако, ему некогда было возобновить дипломатические отношения с СССР. Утверждение империалистов и их агентов о «красном империализме» — ложь и клевета, о чем блестяще свидетельствует одиннадцатилетняя история внешней политики СССР. Если империалисты посмеют переступить советские границы, то революционная анти-империалистическая молодежь всеми средствами будет защищать отечество трудящихся совместно с трудящимися СССР. Конгресс Анти-империалистической лиги молодежи приветствует революционные рабочие массы Китая, которые превратят империалистическую войну в победоносную гражданскую войну.

АНТИВОЕННАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

В ЗАЩИТУ СССР ОТ КИТАЙСКИХ МИЛИТАРИСТОВ, ПОДСТРЕКАЕМЫХ ИМПЕРИАЛИСТАМИ

19 июля, в Вене, состоялась созванная коммунистической партией и революционными организациями Вены и ее окрестностей антивоенная конференция. Участвовало 189 делегатов, в том числе 145 представителей от предприятий. С приветствием от имени берлинского комитета борьбы с военной опасностью выступил коммунистический депутат германского рейхстага, тов. Пик. Постановлено обратиться к рабочим Вены и окрестностей с призывом провести 1-го августа одночасовую забастовку протеста и принять участие в уличной демонстрации.

Для подготовки и проведения антивоенного дня избран комитет в составе 18 социал-демократов, 7 беспартийных и 15 коммунистов.

Конференция прошла под знаком защиты СССР от китайских милитаристов, подстрекаемых империалистами. В принятой резолюции говорится, что конференция в составе социал-демократов, коммунистов и беспартийных рабочих делегатов протестует против разбойничьего нападения на Советский Союз, проводящий политику мира, против китайских милитаристов, являющихся орудием в руках британского империализма. Конференция призывает пролетариат быть на-чеку, чтобы предупредить войну против отечества всех трудящихся СССР и в случае войны защищать его до последней капли крови.

ПОХОД ПРОТИВ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ФРАНЦИИ

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ С'ЕЗД ПАРИЖСКОГО РАЙОНА ДАСТ ДОСТОЙНЫЙ ОТВЕТ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

ТАСС сообщает, из Парижа: В связи с налетом на «Юманите», 19 июля, при участии генерального прокурора республики и судебного следователя, ведущего следствие по делу арестованного коммуниста Кассио, состоялось совещание по вопросу о найденных при обыске документах. Отмечая, что факт созыва совещания указывает на намерения правительства поставить коммунистическую партию и ее органы вне закона, орган компартии «Юманите» подчеркивает, что в момент, когда классовая борьба вступила во Франции в острый период, правительство под нагиском буржуазии и фашистской печати состряпало несуществующий заговор, обвиняя в шпионаже и называя шпионами каждого рабкора, пишущего в редакцию о том, что на его заводе изготовляются оружие и газы, каждого железнодорожника и матроса, указывающего, что в его поезде или на его пароходе перевозятся вооружение для Польши или Румынии. Единственными шпионами, — говорит «Юманите», — являются те, которых полиция и правительство содержит на свой счет в рабочих организациях. Рабоче-крестьянский с'езд Парижского района, который состоится 21 июля, и международный антиимпериалистический день 1-го августа будут достойными ответами, которые пролетариат даст правительству.

БУРЖУАЗНАЯ ПЕЧАТЬ О НАЛЕТЕ НА «ЮМАНИТЕ»

Печать попрежнему указывает на то, что обыски и аресты являются только началом широких репрессий, и предупреждает, что в скором времени последуют новые аресты как в Париже, так и в провинции.

Буржуазные газеты настаивают на обоснованности обвинений против коммунистов.

«Авенир» с исключительной резкостью требует, чтобы правительство считало коммунизм не выражением политического мнения, а изменой и шпионажем, повседневным заговором против жизни граждан, права собственности и цивилизации, и поскольку это так, коммунизм должен подвергаться беспощадному уничтожению. «Эко де Пари» требует энергичных репрессий против государственных изменников. Социалистическая «Попюлер» в краткой заметке ограничивается указанием на то, что обвинение в шпионаже выдвинуто слишком поспешно.

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ С'ЕЗД ПАРИЖСКОГО РАЙОНА

21 июля состоится открытие рабоче-крестьянского с'езда Парижского района. В порядке дня следующие вопросы: борьба рабочих с последствиями капиталистической рационализации, социальное страхование, правительственные репрессии, дороговизна жизни, подготовка империалистической войны и защита СССР, подготовка к 1-му августа.

„КРЫЛЬЯ СОВЕТОВ" В ПАРИЖЕ

Тасс сообщает из Парижа: 20 июля в клубе советской колонии Парижа состоялось торжественное собрание в честь участников европейского перелета «Крылья Советов».

Руководители летной части экспедиции охарактеризовали пройденные этапы перелета, как значительное достижение советской авиации. Тов. Громов указал, что скорость в 160 км. в час при противном ветре, показанная самолетом на этапе Москва—Берлин, и скорость в 180 км. на этапе Берлин—Париж, равняется скорости лучших мировых машин. Этап Париж — Рим через Марсель, на котором предстоит пройти 500 км. Средиземным морем, и этап Рим — Вена, где часть пути, протяжением в 300 км., пролегает через Альпы, явятся труднейшими во всем перелете. Собрание встретило участников перелета, в особенности тов. Громова, с большой сердечностью.

Французский аэро-клуб устраивает в понедельник прием в честь экспедиции.

НА ВЫСТАВКЕ РАБОЧЕГО ИЗОБРЕТАТЕЛЬСТВА

Вчера в парке Культуры и Отдыха открылась организованная МСНХ выставка изобретательства и рационализации. На выставке представлены различные усовершенствования и изобретения, сделанные в предприятиях всех московских трестов. На первом месте по количеству изобретений—5.835—стоит металлопромышленность, на втором — электротехническая и радиопромышленность — 4.650, затем идет транспорт — 4.021 изобретение, химическая промышленность — 3.440, строительная — 3.235 изобретений и т. д.

Как отрицательный факт, следует отметить преобладание на выставке диаграмм и фотографий над экспонатами—моделями изобретений и их усовершенствований. Очень большое количество экспонатов не имеет никаких пояснительных надписей, и вследствие этого посетитель часто становится в тупик перед вопросом, что, собственно, представляет собой выставленное изобретение и какой экономический эффект оно дает.

ПЕРВЫЙ ПОЕЗД НА ТУРКСИБЕ

АЛМА-АТА, 20. (Роста).—Корреспондент Роста вылетел на «Юнкерсе» навстречу первому поезду Южтурксиба. Всю ночь продолжалось непрерывное движение подвод, всадников и пешеходов из города и окрестных деревень к станции Алма-Ата. К открытию торжества на станции находилось свыше 40 тысяч человек, из которых больше 75 проц. впервые в жизни увидели железную дорогу.

Подошедший поезд был встречен раскатами «ура!» и пением «Интернационала». Поезд украшен гирляндами зелени и многочисленными лозунгами. На митинге выступали представители Казакстана, Узбекистана, Киргизии, НКПС, строителей, колхозов, батраков и др. Ряд колхозов и деревень внесли в фонд индустриализации несколько тонн хлеба. Табачники подарили ящик табаку.

Огромное впечатление на гостей, особенно на казаков, киргиз, узбеков, китайцев, таранчей и дунган, произвела показательная укладка пути, которой строители демонстрировали ведущую роль пролетариата, приобщающего к быстрому темпу социалистического строительства отдаленные национальные окраины Средней Азии и Казакстана.

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ КОММУНИСТОВ В ЮГО-СЛАВИИ

Как сообщают из Белграда, в словенском суде при закрытых дверях слушалось дело по обвинению группы рабочих в коммунистической пропаганде. 11 подсудимых приговорены к заключению в каторжной тюрьме сроком от 5 месяцев до 3 лет. «Мягкость» приговора об'ясняется тем, что дело было возбуждено еще до переворота.

ХАРБИН

Край был диким и заброшенным, безлюдным, заросшим тайгой. Начало нашего столетия пришло в Северную Манчжурию железной дорогой, извившейся широкой русской колеей вдоль сопок, по степям, по мостам, перекинутым над буйными притоками Сунгари. И за четверть века вырос огромный европейский город Харбин, выросло мощное сельскохозяйственное производство, выросли депо, фабрики. До постройки К.-В. ж. д. в районе, тяготеющем к ней, проживало не больше полутора миллионов человек. Сейчас в этом районе 10 млн. населения. До постройки К.-В. ж. д., Сев. Манчжурия была глухим краем. Теперь отсюда экспортируется до 3 млн. тонн хлебных грузов. Край неслыханно разбогател, разжирел на производстве бобов, на обработке их, и приобрел колоссальное экономическое значение, разбудившее империалистические аппетиты.

Октябрьская революция, неудача попытки интервенции в Сибири, грозное партизанское движение и разгром белых банд на Дальнем Востоке заставили бывшего правителя дороги Хорвата уйти, оставив место новому наместнику, назначенному «Русско-азиатским банком», Островскому, фатоватому прожигателю жизни, растрачивавшему капиталы дороги на удовлетворение прихотей многочисленной своры угодливых чиновников.

Предел разворовыванию дороги был положен пекинским, а затем мукденским договором, по которому управление дорогой переходило к советским и китайским властям. Это было в 1924 г. И с этого момента начинается период хозяйственного расцвета дороги. Благодаря советскому руководству, дорога из дефицитного предприятия стала доходным. К 1 января 1928 г. касса дороги насчитывала наличных 16 млн. зол. рублей. Развернулось большое строительство, материальный уровень рабочих значительно улучшился.

Экономика дороги отозвалась на экономике существующего на обслуживании К.-В. ж. д. Харбина. Китайские рабочие, обычно нищенствовавшие, были уравнены в зарплате с советскими рабочими. Город бурлил оживленной промышленной и торговой деятельностью.

Но над бытом, над повседневьем расцветающего края, непрерывно стояли грозовые тучи.

Город жил оплетенный китайскими полицейскими рогатками, тупым и невежественным администрированием своевольных китайских самодуров, реакционных сатрапов, боявшихся только одного — грозных наказаний Чжан Цзолина.

Город жил, но над населением его висела плеть безнаказанного белогвардейского разгула.

Харбин, благодаря активной поддержке и умышленному попустительству китайских властей, оказался оплотом изгнанной штыками Красной армии и партизан белой своры, прокатившейся в армиях чехо-словаков. Колчака, колчаковских последышей — Каппеля, Меркулова, Калмыкова и других, от Волги до Владивостока.

Белогвардейцы окопались в Харбине крепко. Из 76 тыс. белых эмигрантов Китая, в Харбине в 1928 г. осело до 15 тыс. Они поселились вместе в пригороде Модягоу, иронически прозванном «Царским селом».

В среде харбинских белогвардейцев всегда вертелась, шушукаясь по кабачкам, стая агентов всяких атаманов и генералов, своевременно накравших денег и поэтому позволяющих себе «роскошь» мечтаний о роли спасателей России.

Белогвардейцы подлизывались к китайцам и, считая себя националистами, без малейшего зазрения совести переходили в китайское подданство. Из них вербовались кадры полицейских, филеров, шпионов, советников китайских генералов и служащих К.-В. ж. д. по назначению китайской стороны.

Несмотря на то, что по мукденскому договору на службе К.-В. ж. д. русские белогвардейцы не могли состоять, китайцы сами назначали их, не допускали их увольнения и даже пред'являли управляющему К.-В. ж. д. тов. Емшанову такие требования:

«Правление принципиально возражает против увольнения лиц, состоящих в китайском подданстве», т.-е. белогвардейцев.

В белых газетах велась погромная агитация, советское консульство, помещавшееся на Гиринской улице, почти ежедневно было об'ектом грязных намеков, доносов, провокационных выпадов и всех других изощрений водочно-бутербродных журналистов.

Подстрекаемые штабами белых группировок, подзуживаемые белыми газетами, зачастую по прямым заданиям китайской полиции и иностранных контрразведок, в Харбине бесчинствовали фашисты. Бесцеремонность их поведения доходила до того, например, что когда в прошлом году демонстрировался «Человек из ресторана» в нескольких кино города, зрители регулярно во всех сеансах осыпались тучами антисоветских прокламаций и чихательным порошком. Эти издевательства прекращались только тогда, когда в зале находились китайские генералы, возмущавшиеся тем, что им приходилось чихать вместе с остальными кино-зрителями.

Велась систематическая работа по разгрому советских профсоюзов. Некоторым союзам запрещали существовать. Другим разрешали легальное существование, но запрещали собирать членские взносы. Никакие рабочие собрания, никакие заседания не разрешались. Обыски в рабочих квартирах, аресты советских граждан, вмешательство полиции даже в вечеринки по случаю гражданских свадеб советских граждан были обыденным проявлением полицейского произвола и безнаказанности белогвардейского террора против граждан СССР.

В таких условиях, в обстановке нараставшего кризиса в отношениях китайских властей к СССР, тайно и издавна готовился захват К.-В. ж. д. Китайские власти давно пытались спровоцировать советские органы в Харбине. В консульство неоднократно являлись провокаторы, предлагавшие с ведома охранки продать секретные документы китайской агентуры, оставлявшие в приемной консульства пакеты с подозрительным содержимым, за которыми должны были вскоре явиться таившиеся за углом патрули сыщиков и полицейских.

На эти провокации советские работники Харбина не поддавались. Тогда китайские власти решили перейти к прямым агрессивным действиям, какими и были возмутительные обыски в консульстве в мае нынешнего года. Для того, чтобы оправдать налет, была создана версия о том, что в подвале консульства было обнаружено... тайное заседание Коминтерна. После этого в белой прессе Харбина появилось значительное количество давно заготовленных фальшивок, в которых Коминтерн склонялся на все лады и которые должны были доказать, что в Северной Манчжурии ведется коммунистическая пропаганда, что для этой пропаганды используется К.-В. ж. д. и что харбинский Коминтерн готовит даже террористические акты.

Нам здесь нет нужды хоть в какой-либо мере заниматься разоблачением нелепости, неграмотности и фальши этих «лип», изготовленных в церковной типографии Николаевского собора, в церкви на Зеленом базаре, и в прочих блатных местах Харбина, в которых обычно печатались все дальневосточные фальшивки и белогвардейские прокламации.

Наконец, под улюлюканье белых газет, под несдерживаемый яростный вой белогвардейцев, почуявших заработок, следуя указке блока китайских националистов и империалистической клики заинтересованных в отобрании К.-В. ж. д. государств, китайцы арестовали руководящих работников дороги, торговых учреждений и представительств в Харбине и выслали их.

Этот шаг, вызвавший по инициативе советской власти разрыв железнодорожной связи между СССР и Китаем, как и разрыв дипломатических отношений, обойдется китайцам очень дорого. Не пройдет и двух месяцев, как К.-В. ж. д. окажется снова разоряющимся предприятием, разворовываемым всеми, кто только умеет воровать из китайских администраторов и примазавшихся к китайцам белогвардейцев. Разрыв лишает Манчжурию ее жизненный уклад—пути, по которому происходит главный грузооборот, лишает ее связи с портом Эгершельд во Владивостоке, перерубает вены торгового обращения.

Но нет никаких сомнений в том, что китайские власти, инспирируемые со стороны, группирующие войска на советской границе, разрешившие белым выпуск «внутреннего займа» на организацию белого добровольческого корпуса, выступают в роли затравщиков новых авантюристических стремлений интервентов. Именно этим и руководствуются трудящиеся СССР, когда свое бурное негодование и яростное возмущение событиями на К.-В. ж. д. они переключают в энтузиазм ускоренного темпа работы по увеличению обороноспособности страны, когда все, кто способен носить оружие, декларируют свою готовность пойти в первых рядах бойцов за СССР.

Трудящиеся СССР знают, что война империалистов против нас неизбежна, и отчетливо сознают, что выступление на Дальнем Востоке является первым раскатом грома мировой войны капиталистов против единственной в мире Республики Советов.

Н. Изгоев.

В ОТВЕТ НА ПРОВОКАЦИЮ КИТАЙСКОЙ ВОЕНЩИНЫ УСИЛИМ ОБОРОНОСПОСОБНОСТЬ НАШЕЙ СТРАНЫ

СТРОИМ ТАНК „СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

К СОВЕТСКИМ ПИСАТЕЛЯМ И ЛИТЕРАТОРАМ

Наглый налет китайских империалистов на советские учреждения в Китае и захват ими К.-В. ж. д. создает действительную угрозу мирному строительству СССР.

Возмущение, охватившее в связи с этим трудящиеся массы Советского Союза, разделяются и нами — советскими писателями, журналистами и работниками издательств.

Советских писателей всех групп и направлений, критиков и издательских работников об'единяет в эти дни одно стремление — всеми способами и средствами отстоять Советский Союз от посягательств на него с чьей бы то ни было стороны и обеспечить право трудящихся Советского Союза работать над укреплением пролетарского государства.

Это право мы готовы отстаивать пером на мирном фронте и винтовкой, если к этому мы будем принуждены, и выражением этой готовности пусть будет танк «Советская Литература», строить который мы призываем писателей, литераторов, журналистов и работников издательств.

Нижеподписавшиеся работники и писатели издательства «Земля и Фабрика» вносят на постройку танка «Советская Литература» пятьсот рублей.

Мы ждем, что нашему примеру немедленно последуют все писательские организации, журналистские коллективы и издательства, и танк «Советская Литература» в Международный Красный день будет демонстрировать на Красной площади нашу волю к труду и готовность к обороне.

Илья Ионов, А. Венедиктов, И. Свистунов, Н. Яковлев, Я. Черняк, Д. Уманский, С. Штрайх, Н. Богословский, М. Зенкевич, В. Регинин, В. Попов, А. Дорогойченко, Ф. Гладков, Петр Ширяев, М. Алексеев, Георгий Никифоров, М. Громов, Леонид Леонов, А. Войнова, Д. Гробов, С. Бернер, Т. Лебит.

Комиссия по сбору средств на танк «Советская Литература» помещается в издательстве «Земля и Фабрика», Москва, центр, Ильинка, 15.

КАК ЭТО БЫЛО

ПОДРОБНОСТИ НАЛЕТА НА К.-В. ж. д.

РАССКАЗ ТОВ. ЕМШАНОВА

Вчера с сибирским экспрессом возвратились в Москву управляющий К.-В. ж. д. т. Емшанов, его заместитель, главный инженер дороги т. Эйсмонт, и др. работники К.-В. ж. д.

В беседе с представителями печати т. Емшанов сообщил следующие подробности захвата К.-В. ж. д.

— 10 июля, после захвата телеграфа китайскими полицейскими, действовавшими вместе с белогвардейцами, был арестован ряд ответственных работников дороги. Вслед за этим нам было предложено сделать ряд распоряжений, которые фактически сводились бы к сдаче всей дороги в руки китайских генералов. Я, конечно, от этого отказался, после чего был отстранен от работы. Все наши предложения об удовлетворении претензий китайской стороны мирным путем остались без ответа.

Можно с уверенностью заявить, что налет на дорогу был совершон по строго разработанному плану. Отряды белогвардейцев, привлеченных к захвату дороги и действовавших с исключительнейшей наглостью, имели форму и отличительные повязки на рукавах — лучшее подтверждение тщательно разработанного плана захвата дороги.

Однако, бандиты при составлении плана забыли о необходимости как-то об'яснить свои действия. Они вспомнили об этом только в момент захвата дороги и с присущей им наглостью об'явили противокитайскими действия и работу всех общественных организаций советских колоний, деятельность которых была легальна и разрешена существовавшими договорами и соглашениями. На смехотворные обвинения в пропаганде даже иностранная печать в большинстве случаев никак не реагировала, находя их неосновательными.

Тов. Эйсмонт сообщает, что как только в Харбине разнесся слух о захвате К.-В. ж. д., в торговых кругах началась паника. Уже к вечеру 10 июля началось падение стоимости даян (местные доллары), и к моменту от'езда работников К.-В. ж. д. стоимость даян упала на 10 проц.

— Нужно ожидать, — говорит тов. Эйсмонт, что на $^{2}/_{3}$ К.-В. ж. д. в ближайшее же время перестанут функционировать. Во главе дороги стали молодые неопытные китайские чиновники и авантюристы из русской белогвардейщины. Дорога, несомненно, станет убыточной и невыгодной для пользования, особенно если учесть прекращение железнодорожного сообщения между Китаем и СССР, что вызовет направление главной массы пассажиров из Европы по новому пути — через Читу — Хабаровск — Владивосток.

ВЫЗОВ КИТАЙСКОЙ ВОЕНЩИНЫ И РАБОТНИКИ ИСКУССТВ

Инициативная группа находящихся в Москве видных работников театра, кино и изо, возмущенная провокационным налетом китайских генералов на К.-В. ж. д., обратилась в руководящие профсоюзные органы с предложением **организовать митинг протеста,** с участием всех работников искусств.

Артисты и сотрудники московских театров, работающих летом, а также административный и технический персонал кино-театров в течение истекшей недели демонстрировали у китайского посольства свое возмущение захватом К.-В. ж. д. китайской военщиной.

Очередной номер журнала «Рабис», целиком будет посвящен Международному красному дню.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРАСНЫЙ ДЕНЬ В МОСКВЕ

Московские профсоюзы готовятся к проведению Красного дня — 1 августа.

Кабинет профработы МГСПС проработал список литературы к 1 августа. Дан подробный план проведения Международного красного дня, схемы докладов, темы лекций и экскурсий. Все эти материалы разосланы культотделом МГСПС профсоюзам и клубам отдельной брошюрой.

С 25 июля по 1 августа во всех предприятиях, летних садах клубов, на стадионах будут проведены массовые митинги, посвященные МКД.

28 июля на Красной площади будет организован парад физкультурников совместно с военными кружками комсомола, приуроченный к 1 августа.

31 июля после окончания работ на фабриках и заводах организуются летучие митинги с краткими докладами о значении Красного дня. На стадионе Трехгорной мануфактуры накануне дня 1 августа состоится массовый митинг, посвященный МКД, для близлежащих фабрик и заводов. После митингов с 7 до 10 час. вечера состоятся выступления художественных кружков клубов.

1 августа, после рабочего дня, во всех районах Москвы будут организованы массовые митинги с демонстрацией и карнавальным шествием. В парке Культуры и Отдыха состоится массовое гулянье-митинг для Пролетарского, Замоскворецкого и Хамовнического районов, на стадионе «Динамо» — для Красной Пресни, на Сокольнической летней станции—для Сокольнического района, и в Измайловском зверинце—для Бауманского района. Везде будут организованы массовые демонстрации, карнавальные шествия и выступления художественных кружков клубов, посвященные Международному красному дню.

ИСКУССТВО В ДЕРЕВНЕ

20 июля в Наркомпросе состоялось совещание представителей прессы, массового отдела Главискусства и Главполитпросвета, посвященное открывающейся 24 июля I Всероссийской конференции по деревенской художественной работе.

Начальник Главискусства т. Свидерский указал на огромное значение самодеятельного искусства, как в городе, так и в деревне. Вся художественная работа Главискусства, начиная с больших государственных театров и кончая самодеятельными художественными кружками, должна быть направлена на широкое обслуживание рабоче-крестьянских масс.

— 25.000 драмкружков, 5.000 музыкально-хоровых, изо- и литературных кружков при 750.000 кружковцев, — вот наш огромный культурно-политический резерв в деревне, — говорит в своем докладе зав. Поленовским домом искусств т. Игнатов. — Ежегодно деревенскими художественными кружками обслуживается 50-миллионная крестьянская аудитория.

Все это говорит о необходимости усиленного внимания художественной работы в деревне и широкого освещения в печати вопросов деревенского самодеятельного искусства.

В заключение совещание заслушало информацию т. Чичерова «Об итогах конференции ТРАМ'ов.

Открытие I Всероссийской конференции по деревенской художественной работе состоится в Центральном доме крестьянина. Конференция продлится 4 дня.

РАЗНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

600 рабочих автомобильного завода Форда в Детройте об'явили забастовку, протестуя против снижения заработной платы. Бастующие устроили демонстрацию на территории завода.

◆ В Лагоре (Индия) арестованы 4 видных индийских политических деятеля и 7 их сторонников за участие в запрещенной полицией демонстрации протеста против мирутского процесса.

◆ Советское консульство в Пейпине готовится к от'езду в Дайрен с тем, чтобы оттуда проследовать в СССР.

◆ 1 августа, в Советский Союз приезжает английская кооперативная экскурсия, в составе 22 чел.

◆ Президиум ВЦСПС постановил просить высшие правительственные органы о предоставлении долгосрочной ссуды на клубное строительство в 1929—30 г. в размере 5 млн. руб.

◆ СТО разрешил Обществу борьбы с алкоголизмом устройство книгорозыгрыша **на территории РСФСР на 800 тыс. руб.**

◆ Правительственный комитет по химизации и Наркомпрос находят необходимым преобразовать химотделение I МГУ в факультет и приступить к постройке химинститутов при I МГУ и Казанском университете.

◆ Президиум МГСПС ассигновал 5.000 рублей на организацию сада союза Ра-

◆ По постановлению Крайсовпрофа, распущено бюро Астраханского окружного совпрофа. Создано временное орг-бюро.

ВСЕСОЮЗНЫЙ ПРИЗ ПО КОНСКИМ СОСТЯЗАНИЯМ РАЗЫГРАН

На состоявшихся вчера всесоюзных конских беговых состязаниях всесоюзный приз взял «Невольник» Александровского государственного конского завода, показавший блестящее время — 2 мин. 10 и $^{3}/_{5}$ сек. Вслед за «Невольником» на нем пришел «Аскет» Еланского гос. завода.

Приз республики взял «Петушок».

САМАЯ ИНТЕРЕСНАЯ КНИГА ЗА НЕДЕЛЮ

ЛЕРМОНТОВ В ЖИЗНИ

П. Е. Щеголев.—Книга о Лермонтове *)

«Книга о Лермонтове» построена по типу известных сборников В. Вересаева «Пушкин в жизни», породивших особый жанр биографической мозаики (аналогичные сборники о Чехове, Достоевском, Тургеневе, Валерии Брюсове и др.).

Как и Вересаев, сам Щеголев в своей работе о Лермонтове отходит совершенно в сторону, рассказывая историю жизни поэта устами его современности — выдержками из мемуаров, писем Лермонтова и к Лермонтову, автобиографических признаний поэта, подлинных документов эпохи (частично публикуемых им впервые). Первый выпуск охватывает время от рождения поэта до первой ссылки (1814—1837 гг.).

Следуя Вересаеву в принципе построения книги, П. Е. Щеголев вместе с тем решительно отталкивается от его основной методологической установки. Вересаев подходит к Пушкину как художник. По его собственным словам, «критическое отсеивание материала совершенно противоречило бы самой задаче» его книги. Для него существенны не столько строгая точность приводимых им показателей, соответствие их действительным фактам жизни поэта, сколько, с одной стороны, даваемый ими яркий, художественно-выпуклый материал, с другой — соответствие той предварительной потаённой концепции личности Пушкина, которая явно имеется у самого автора «Пушкина в жизни». Наоборот, П. Е. Щеголев свою «коллективную» биографию Лермонтова старается построить как ученый, складывая ее только из абсолютно «добросовестного» и строго критически «проверенного» материала.

Существенным отличием сборника Щеголева от всех предшествующих ему работ этого рода является внесение им в свою книгу отрывков из художественных произведений Лермонтова, «носящих явно автобиографический характер».

Вопрос о том, насколько позволительно опираться при биографических построениях на художественный материал — очень сложный, требующий в каждом отдельном случае специального рассмотрения вопрос. Однако, там, где этот материал целиком подтверждается другими, извне идущими показаниями (а только в таких случаях пользуется им Щеголев), давать его можно и должно. Если для нас важно и интересно, как отражалась личность великого художника в сознании его, зачастую весьма и весьма сереньких, современников, то во сколько раз важнее знать, как преломлялась она его собственным гениальным сознанием.

Наличие таких художественных, автобиографических иллюстраций не только чрезвычайно оживляет книгу Щеголева, но и сообщает воссоздаваемому им облику поэта необходимую законченность и полноту. Правда, это стремление к полноте местами ведет к некоторой расплывчатости образа, но виной тому общий эклектический характер работы Щеголева. Так, им дважды, в разных местах книги (стр. 74 и 100—101) приводится характеристика личности Лермонтова, даваемая его троюродным братом, полковником Шан-Гиреем. Оценка личности Лермонтова Шан-Гиреем — типичный отзыв благодушного обывателя, вдобавок явно старающегося «оправдать» «Демона» перед потомством.

Лермонтов, по его словам, «был характера скорее веселого... любил общество, особенно женское... часто посещал театр, балы, маскарады... в жизни не знал никаких лишений, ни неудач... особенно чувствительных утрат не терпел»... «Откуда же, — спрашивает Шан-Гирей, — такая мрачность, такая безнадежность?». Вопрос решается им чрезвычайно просто. «Байронизм» и »демонизм» поэта был всего лишь «драпировкой», «маской, чтобы морочить обворожительных московских львиц, маленькой слабостью»; соответствующие произведения поэта — «только детские шалости», которые «ничего не об'ясняют и не выражают» в его характере.

Нечего говорить, что так об'яснять самые выразительные, самые специфические свойства личности Лермонтова, удостоверенные не только его собственным творчеством, но и показаниями десятков современников, конечно, по меньшей мере, наивно.

Если байронизм и «демонизм» Лермонтова и был в нем позой, то из тех поз, о которых Теофиль Готье в своей характеристике Бодлэра отозвался, что они естественнее самой природы.

Вследствие того, что Щеголев приводит отзывы Шан-Гирея без необходимых оговорок, в восприятии читателей его книги образ поэта двоится в одном из самых важных, самых значительных пунктов.

Можно отметить в книге Щеголева и несколько мелких неточностей и недоразумений. Так, например, **С. Н.** Глинка хронологической канвы (стр. 247), в тексте превращается во **Владимира Сергеевича** (стр. 255) и т. п.

Однако, в целом работа Щеголева должна быть признана удавшейся попыткой воссоздать перед современным читателем во всей его живости сложный, трагический, мучительно-противоречивый образ одного из самых изумительных русских поэтов, до последнего времени несправедливо оставлявшегося нашими критиками и литературоведами в относительной тени.

Ключ к разрешению всей исключительной сложности личности Лермонтова, всех загадок и противоречий его жизни и творчества может быть найден только в результате углубленного социологического анализа. Производить такой анализ не входило в задачу автора «Книги о Лермонтове». Но для будущих исследователей-социологов составленная им книга содержит в себе много весьма ценного материала.

Издана книга с большим вкусом. Текст иллюстрирован воспроизведением никогда не появлявшихся в печати снимков с рукописей поэта, многочисленными портретами, рисунками.

Д. Благой.

П. Щеголев.

---

*) Вып. I «Прибой», 1929. Стр. 327. Ц. 3 руб. 20 коп.

НЕ ПОМОЩЬ, А ПОМЕХА

Вот уже месяц с лишним «Литературная Газета» из номера в номер печатает очерки писателей о социалистическом соревновании. «Комсомольская Правда» пишет, что «Литгазета» задумала хорошее дело». Очевидно. Удовлетворена ли редакция «Литгазеты» качеством этих очерков? Нет! Нужно ли на этом основании отказаться от «хорошего дела»? Ясно, что нет! Нужно добиваться улучшения качества этих очерков. И в этой работе нам—редакции и всем писателям должны помогать все, кто заинтересован в социалистическом строительстве вообще и, в частности, в воспитании, в переделке на социалистический лад кадров советских писателей. Эта последняя задача чрезвычайно трудна, и «Литературная Газета», призванная помогать осуществлению ее, прекрасно осознает, как мало еще она сделала и сколь много препятствий стоит на ее пути. Она видит то немалое количество промахов, которые она уже сделала, и старается предвидеть те, какие возможны в дальнейшей работе. Общественный контроль над газетой и критика ее работы нам не только желательны, но и прямо-таки необходимы.

Обо всем этом распространяться излишне. Но столь же излишне распространяться и о том, что оружие критики — оружие обоюдоострое и потому пользоваться им надо осторожно, т.-е. помнить все время о том ущербе, который можно причинить своему же делу.

В № 158 «Комсомольской Правды» была напечатана статья т. Н. Яковлева «Пошляки на литературных гастролях». Она содержала резкую и, скажем тут же, — во многом справедливую критику очерка Валентина Катаева о социалистическом соревновании («Литгазета», № 11). И, однако, несмотря на такую оценку статьи, нам кажется, что в данном случае та осторожность, о которой мы говорили выше, не была соблюдена в достаточной мере.

Очерк В. Катаева заключает в себе ряд серьезных политических ошибок. К таким ошибкам нужно отнести, например, представление В. Катаева о «бригаде», установление схоластической зависимости социалистического соревнования от рабочего быта, соображения насчет степени классового самосознания большинства рабочих (хотя бы только данного завода) и т. д. Эти ошибки вредны уже по одному тому, что они показывают поверхностность впечатлений В. Катаева. И т. Яковлев, бросивший В. Катаеву среди других обвинений упрек в «непонимании основных каналов рабочей общественности и активности», упрек в «мимолетности впечатлений», был совершенно прав. Больше того, критика т. Яковлева была недостаточна.

Разбирая впечатления В. Катаева, нужно было бы прежде всего указать на «романтичность» очерка и вскрыть об'ективно-реакционную сущность этого «романтизма». Весь очерк построен на противопоставлении личного и общественного интересов рабочего, на противоречии между этими интересами. **Характер** этого противоречия в данном случае В. Катаевым вымышлен. Катаев взял его напрокат из обихода юных социальных категорий. **Такое** противоречие свойственно, например, некоторым слоям интеллигенции. Встав в ложную позицию, В. Катаев, конечно, не смог правильно понять смысла социалистического соревнования, и его проповедь личных жертв во имя общественных интересов, прозвучала фальшиво.

Но значит ли это, что автора очерка нужно было дискредитировать, выставить всем напоказ, как пошляка и врага самой «идеи социалистического соревнования»? Способствует ли такая критика воспитанию, переделке и самого В. Катаева и других ему подобных писателей? Мы думаем, что нет. И не в том дело, что т. Яковлев в своей статье сам допустил некоторые ошибки и преувеличения *), а в том, что разбор ошибок В. Катаева был по характеру своему нетерпелив, нетерпим и враждебен. (Вспомним, что говорила резолюция ЦК о литературе по поводу отношения к «промежуточным идеологическим формам»!). В смысле ошибочности тона больше всего грешит «шапка» над статьей и сам заголовок. Во-первых, почему В. Катаев фигурирует во множественном числе? Речь идет об одном писателе, а заголовок говорит о **пошляках на гастролях.** Пошляки, конечно, есть—и в не малом количестве—и в писательской среде, но данный случай не дает права говорить ни о конкретном пошляке, ни о пошляках в литературе вообще. Во-вторых, несправедливо обвинять В. Катаева в том, что он пустил «стрелы в рабочих и идею соревнования», то-есть в том, что в основе своей В. Катаев чужд и даже враждебен советскому порядку, социалистическому строительству.

Писатели, искренне желающие итти в ногу с пролетариатом, проходят свой путь с великим трудом, ибо если пролетариат, идя к социализму, с трудом преодолевает себя, с напряжением вытаскивает свои ноги, по колено завязшие в грязи старого мира (Ленин), то попутчикам его приходится преодолевать большие препятствия суб'ективного порядка. И задача наша состоит не в том, чтобы **отталкивать,** а в том, чтобы **подталкивать** непролетарские слои, **идущие за рабочим классом.**

«Подталкивать»—в этом состоит одна из основных задач нашей газеты, и если, осуществляя ее, газета, как уже говорилось выше, становится вплотную перед реальными и трудными препятствиями, то она в праве требовать помощи от всей советской общественности. Статья же т. Яковлева, будучи увенчана такой «шапкой» и таким заголовком, которые стремятся оттолкнуть писателя, но никак не подтолкнуть его к нам, теряет свои положительные качества и вместо помощи становится помехой.

«Комсомольская Правда» не раз показывала свое чуткое отношение к тому, что совершается в советской литературе и все время вела линию, способствующую ее (литературы) здоровому развитию. На сей раз она допустила ошибку. Что же—ошибаться могут не только отдельные писатели, но и газеты.

Редакция.

---

*) Например, его толкование зависимости социалистического соревнования и реакционности элементов рабочего быта, якобы поставленное им «с головы на-ноги», страдает такой же схоластикой и так же лишено диалектики, как и толкование В. Катаева. Вместо того, чтобы найти противоречивое взаимодействие, оба они пошли по пути установления односторонней зависимости.

ОСИП КОЛЫЧЕВ

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

ДЕРПТ—МОСКВА

Они запирались от жадных пург
В квартирах университетского Дерпта...
Пушистое пламя—студенческий пунш
Десну набивал оскоминой терпкой...
Дождь поцелуев—девичьих—в траве...

Осип Колычев

Экзаменов традиционная буря...
Все перепуталось в голове
Краснощекого бурша...
Пунш и латынь... Ром и санскрит...
Толстый трактат и нежный постскриптум...
Гегель на пятой странице раскрыт,
И черное пиво, как Гегель, раскрыто...
Ствол пистолета бредит дуэлью...
Завтра за городом... В четыре часа...
Как это у Пушкина? «О Дэлия,
Драгая, приди, моя краса!..»
Это и в Дерпте, и в Санкт-Петербурге...
У мраморных урн Царского села—
Те же горячешные бурши,
Поклонники апулеевского осла...
Потомки княжеских фамилий
И сгустки голубых кровей,—
Вы стансы Рылеева охотней зубрили,
Чем черные шеренги греческих корней...
Они недострелянные декабристы
На пытки и петли с песнями шли...
Других—муровали в тайге каменистой
На голых струпьях таежной земли...
А остальные—до отвала,
Как гуси, нагуляли жиры,—
Вкусно ели, вкусно зевали,
Холили бронзовых щек шары...
А знаменитые, восьмидесятые годы!..
При открытых глазах—воспаленный сон...
Гвоздь поэтической моды—
Сам Семен Яковлевич Надсон!..
Туберкулезный румянец поэта
Выдается за грешные розы стихий...
В пустых коридорах университета
Зудятся из рук вон плохие стихи...

. . . .

Такие ли плещут под Пензой, под Киевом...
Подпаском в поле, лесничим в лесу—
На ивовых дудках поются такие ли!..
Вот этот братишка с лица неказистый,
В потертой овчинке, в рубахе посконной,
Больную машину и холит, и чистит,
Как взбалмошный мальчик в нее влюбленный...
Булыжники знаний ломая руками,
Он вымостит ими овраги и веси...
Такое студенчество злее камня,
Прямее дуба в пустом поднебесьи...

ДЕТСТВО

Пахучий ветер черного двора...
Свивальников пахучий ветер...
И выше материнского бедра
Созвездием поднявшиеся дети...

Бывало, дождик в розовую рань
По улице на цыпочках запляшет...
Прошу я: «Дождик, дождик перестань!»—
И дождик просьбу детскую уважит.

Чтоб высмуглеть от пейсов до ногтей,
Безоблачного мая мало...
А сколько кукольных затей
В моих руках перебывало!..

Я изумлялся блеску пятака,
Орлом ложащегося на аллее
Из двадцати... быть-может, сорока...
Быть-может, ста подброшенных копеек.

И перепачкавшегося землей
Меня не брало кухонное мыло.
Мои цевницы снегом замело,
Мои пищали ливнем перемыло...

Ты помнишь, Оленька, за пятерых
Я поглощал вишневую наливку,
Но окаянных родинок твоих
Предпочитал солоноватый привкус...

Так, венчиками синими у глаз
И ненормальною температурой
Причудливая зрелость началась
У мальчика, влюбившегося сдуру.

Пахучий ветер черного двора...
Свивальников пахучий ветер...
И выше материнского бедра
Созвездием поднявшиеся дети...

ХИТРАЯ ЛАВКА

В этом шуме Ямских, в канители Мус—
Попробуй, не осовей!..
Да здравствуют пять благородных чувств,
Ведущих меня по Москве!..
Я, право, не знаю, что делать с твоей
Кладбищенской красотой,
О хитрая лавка случайных вещей!..
О ложь, налитая чумой!..
Сыплются звезды нафталина
С перелицованного кринолина...
Бредят дуэлью не первое лето
В бархатном ящике два пистолета...
И шелковистые куколки моли
В холоде этом гуляют на воле...
Этот стол—биллиардный! ломберный!
Без задоринки как ни обламывай, —
Мне сияет сквозь мир безалаберный
Чичиковых и Обломовых...
И его послужными растроганный,
Убегая от гама торгашьего
Я приветствую старого токаря,
Этот стол до рассвета строгавшего...

⁂

И комнатный ветер, и я, и жена
Карельской смолою пропахли...
Мой дом захолустный сколочен до дна
Из грубого теса и пакли.
Рябиновый север пустынен и гол.
Последняя иволга нища.
В лесничестве мира я вырубил стол
Из выкорчеванного пнища...
Нет, я никогда не затеплюсь твоей
Кладбищенской красотой,
О хитрая лавка случайных вещей!
О ложь, налитая чумой!..

В „Литературной Газете“, начиная с ближайших номеров, будут печататься БЕЗ ПОДПИСИ рассказы и произведения других жанров—известных советских писателей. „Литературная Газета“ будет просить критиков и читателей присылать в редакцию свои мотивированные предположения—чьему перу принадлежит ненаписанная работа. Наиболее удачные—в смысле мотивировки—предположения будут напечатаны.

Редакция „Литературной Газеты“ намерена этот опыт повторять от времени до времени, так как считает полезным изучение всякими способами—в том числе и таким—стиля, манеры и приемов наших лучших писателей.

ПИСАТЕЛИ НА ФРОНТЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ

Очерк пятый

МАШИНЫ И ЛЮДИ

... Председатель общезаводской комиссии по соревнованию — полный мужчина, с квадратным лицом и растерянным, мечущимся взглядом, сразу попал в переплет. Он не сумел взять руководства в свои руки, и волна самодеятельности перехлестнула его. Он только, как всегда, растерянно метался по завкому, по огромному заводскому двору с толстыми, распухшими от бумаг, папками, но толково так и не знал, что делается в цехах, как разворачивается работа, во что выливается энтузиазм масс.

Цехи напрасно ждали от председателя исчерпывающего и полного руководства, при вопросах он растерянно разводил руками и говорил:

— Матарьялу, матарьялу — не продыхнуть!..

И, действительно, в этом «матарьяле» он закопался. Характерно, что когда он удосужился созвать общезаводское совещание производственных комиссий, где впервые был поставлен вопрос о соревновании, созыв был организован настолько плохо, что комиссии не собрались.

А это было уже тогда, когда все цехи говорили о соревновании, когда цехи хотели точных и ясных указаний и не знали еще с кем они соревнуются и как соревнуются. Было ясно видно, что работа не по плечу председателю. Нужно было оказать ему сильную, умелую, дружескую поддержку. Он искренне хотел сделать «как лучше». Но получалось у него плохо. Он нервничал и в ответ на случайные указания становился на-дыбы и сумрачно спорил.

— Нет уж, это, извини-подвинься, не резон. Мы не можем конкретно цехам указывать. Это будет нажим сверху.

Многие хорошие, где-то почерпнутые мысли странно перепутались в мозгу председателя и... это часто отражалось на работе комиссии.

⁂

... Работа разворачивалась. Были созваны специальные курсы комсомольских соревнователей, где курсантам давались исчерпывающие об'яснения по вопросам о задачах соревнования и состоянии завода. Курсанты должны были явиться кадром агитаторов по цехам за соревнование.

Пионеры вышли на демонстрацию и выпустили воззвание к отцам: «Отцы, Забота вовсе не в том, чтобы накормить нас сегодня, а в том, чтобы создать экономическую базу для будущего».

Заводская газета запестрела вызовами:

«Долой прогул! Восемь часов производству — ни минуты простоя! За бережное отношение к инструменту, за качество продукции. Выполним производственную программу на 100 проц.». И подпись, внушительная подпись — 11 бригад чугунолитейного цеха.

«Вагономеханический цех — будь готов! Принимай вызов вагонослесаросборочного выйти на соревнование по снижению себестоимости на 9,5 проц.».

«Паровозный отдел, слушай! Машиносборочный вызывает тебя на соревнование — за лучшее качество продукции, за выполнение производственной программы, за снижение себестоимости на 9,5 проц.».

Производственное совещание паровозного отдела, в целях своевременного выполнения производственной программы, постановило: «Декретные отпуска перенести на сентябрь».

По всем цехам начали организовываться бригады: одиннадцать бригад — в чугунолитейном цехе, три бригады— в вагономеханическом цехе, — каждый цех старался обогнать другой. Семь комсомольцев паровозо-механического цеха Коломзавода, организовавшие ядро рационализаторов: Щегольков, Ульянов, Чернов, Пестров, Федотов, Кулагин, Рябцев и Филин — бросили вызов всем остальным цехам. Такие же ядра были организованы в паровозной сборке и меднокотельной.

Руководитель ядра — Щегольков, высокий черноволосый парень, — с жаром рассказывал мне у станка о всех изобретениях, которые за год сделали члены ядра. Из 39 изобретений — 26 уже проведены в жизнь. Щегольков мне показывал детали, приводил цифры рублей, которые комсомольцы сберегли заводу.

— Надо устранить узкие места в нашем цехе, — говорил Щегольков, и об'яснял мне, о каких «узких» местах идет речь.

Старик-мастер — Кондаков — прошел мимо и неодобрительно посмотрел на нас: «Сами на стружку ставите, а здесь разговорами задерживаете. Пятьдесят человек по минуте — во сколько это влетит?!»

Всего было организовано 48 бригад. Но многие из них были дутыми, и фактически настоящую ударную работу вели не больше двадцати бригад.

⁂

Огромный машиносборочный цех. В цехе соревнование уже развернулось. На стене красного уголка висит бюллетень № 1. Бюллетень внимательно разрисован, украшен стихами и карикатурами. Передовая говорит: «Вызов дан. Надо лучше работать».

И через весь бюллетень идет лозунг: «Каждый должен внести предложение об улучшении качества и удешевлении продукции. Долой злостных прогульщиков и пьяниц!»

Здесь же черная и красная доски. Лучшие рабочие — Каширин, станок № 36, Ахтырский, станок № 41 и т. д.; худшие рабочие — Соболев, сверловщик, Селемин, фрезеровщик, и еще ряд других.

Секретарь ячейки машиносборочного — Матисен — говорит, что занесенные на черную доску умоляли вычеркнуть их, обещали, что докажут свою работу. Доска уже оказала свое действие.

В бюллетене машиносборочного цеха не только слова, бюллетень агитирует цифрами.

На двигатель — 4.400 л. с. в среднем требуется 9.100 производственных часов, средний прогул по цеху — 23.360 часов. Если считать, что эти часы пошли бы на производство, можно было бы сделать 2½ машины. «Если будем гулять до конца года таким образом, — говорят жесткие слова бюллетеня, — прогуляем за год 10 двигателей 4.000 лош. сил».

⁂

Начальник цеха — Терентий Трофимович Пастухов — маленький, сухонький старичок, с узенькой бородкой клинушком, говорит мне о соревновании: «Слушал я доклад секретаря укома Лазьяна. Всю душу у меня вымотал. С самих нас нужно соревнование начинать. Пример показать нужно».

Терентий Трофимович — очень стар. На вопрос, сколько ему лет, он отвечает: «Не скажу, а то с завода выгонят. В инвалиды по старости запишут». У Терентия Трофимовича мировое имя. Когда из-за границы приезжают инженеры, они прежде всего идут знакомиться с Пастуховым и очень удивляются, увидев этого начальника цеха, по внешнему виду ничем не отличающегося от станочника. Пастухов — самоучка. Он прошел на заводе все стадии, пока дошел до управления главным заводским цехом.

Работает он с 1880 г. Был слесарем, токарем, инструментальщиком, в Рублеве ставил водопровод; чего только не прошел Пастухов!

По его цеху сейчас равняются все мастерские. Пастухов не сидит в конторке. У него даже конторки нет. Он приходит раньше всех в цех и ходит, осматривает каждую мелочь. Иногда он останавливается внезапно, словно забыл что-то, постоит, постоит и опять пойдет по цеху. С рабочими он был чрезмерно суров. Поэтому его не особенно долюбливали. В 1917 г. его хотели даже убрать из цеха за жесткость, но он встал на плиту, заплакал и сказал, что не по злобе жал не по своей воле — приказывали. И еще сказал, что из цеха не уйдет, не может уйти из своего цеха. Подумали и оставили. Уважают его все. «Таких производственников, — говорят,—мало».

Терентий Трофимович гордится тем, что он до всего самоучкой дошел. К инженерам у него несколько недоверчивое отношение с оттенком недоброжелательства. — Раньше на них, как на бога молился. А потом, когда выучился, увидел, что инженеры всякие бывают. И некоторые все после учебы перезабыли и работой мало интересуются. **Машины не любят.** Вот что...

Пастухов всю свою жизнь вложил в машины. Сейчас, когда выстроится новый дизельный цех на заводе, он уйдет туда. Там будут новые машины, над которыми еще можно поработать, которым нужна пастуховская смекалка.

Терентий Трофимович часто ходит на стройку нового цеха и, вернувшись в машинную сборку, чаще прежнего останавливается в раздумьи и долго стоит, поглаживая какую-нибудь металлическую часть.

Пастухов любит машины больше, чем людей... И еще одно есть у Пастухова. Он гордится тем, что знает не меньше инженеров, и всегда рад на каком-нибудь случае свое превосходство показать.

— Соревнование — большое дело, — говорит Терентий Трофимович. — Надо, чтобы каждый соревновался друг с другом. Надо личным примером доказать. По искусству оценивать надо. Вот ТНБ, к примеру, назначило норму: просверлить дыру в валу 49 часов. Я говорю— не верно. Мне говорят — верно. Взял сам подручных, взял станок, сделал в 6 часов. Поверили. Определили норму в 18 часов».

«Я так полагаю, — размышляет Пастухов, — надо соревнование без горячки провести. Надо на каждую бригаду выбрать опытных мастеровых. Я вот в Германии был, — и что же, можно сказать, что технически мы догнать можем Германию. У нас время такое. Но у нас порядка нет. Расхлябанности много. Каждый мастер должен быть инструктором. Надо подобрать на совесть группу ребят. Рационализировать работу. Сделать примером для всех остальных».

К нам все время подходят рабочие, спрашивают у Пастухова совета. Он детально об'ясняет и опять возвращается к разговору.

«Вот надо взять молодых инженеров и каждому дать на первое время бригаду, а то они не тем часто заняты, бумажки пишут».

«Как насчет молодежи, — спрашиваете? — Пастухов задумчиво пощупывает бороду. — Молодежь может работать, я люблю молодежь, но ее учить много надо. Вот, к примеру, намедни подхожу я к одному станку — комсомолец работает. Вижу — болт в тисках портит. Я подхожу, отвертываю тиски, даю мастеру, покажите, как надо делать. А комсомолец на-дыбы. «Ты, — говорит, — тише. Я человек нервный». «Ах ты, — говорю, — сукин сын, — я пятьдесят лет работаю и ничего нервы, а ты... надо ж голову иметь». Что же берет парнишка ключ и замахивается. Ну, мне плевать, бог с ним. Главное, рассердило — комсомолец, а слушать не хочет. «Как платят — так и работаю», — говорит. Только, значит, за плату работает. Разве комсомольцы должны только за плату работать? Ну я его, конечно, матом обложил. Не вытерпел...»

Пастухов развел руками и закончил: «А в общем, мы с ними завернем. Главное — личный пример».

В арматурном цехе один из застрельщиков социалистического соревнования —токарь Гриша Анохин.—Гриша Анохин недавно стал токарем. Много лет назад, еще мальчишкой, работал он формовщиком в литейном цехе. Гриша был одним из организаторов заводского комсомола. Потом его забрали из литейной. Много должностей прошел с тех пор Гриша; был он и председателем завкома канатной фабрики, и секретарем заводской комсомольской ячейки, и секретарем укома комсомола, и членом президума упрофбюро. В прошлом году Гриша решил, что нужно опять вернуться на завод, опять из канцелярий и кабинетов уйти к станку. Это решение было плодом долгого раздумья. Анохин подал заявление о приеме его в качестве токаря. Формовщиком быть больше не хотелось, хотелось изучить другую специальность. И вот Гриша опять пришел на завод, который его воспитал, где он знал всех и где все знали его.

Сначала не верили. Рабочие подозрительно смотрели на него. «Ролю играет», —говорили в цехе. Но вот Анохин стал к станку, подошел мастер, показал ему резцы, об'яснил работу и среди других станков зашумел станок нового токаря —Григория Анохина.

Не верили, примерно, с месяц. «Э-э,— говорили скептики, — наверно пришел послушать, о чем мы разговариваем, высмотреть и доложить». Это говорили и прямо в глаза Анохину. «А я и сам знаю, о чем вы говорите, мне высматривать нечего»,—отшучивался Гриша.

Потом привыкли. Стали помогать. Посоветовали работать сначала в ночной смене. «Ночью,—говорят,—помочь легче. Администрация меньше ходит».

Ночь за ночью работал Гриша, постепенно все больше изучал незнакомую работу токаря. Помогали. Чуть услышат скрипит станок анохинский, бросают работу, бегут сразу несколько человек помочь, поправить и показать. Отношение стало—лучше не надо. А в обеденный перерыв собираются вокруг Гриши, и он ведет беседы по самым разнообразным вопросам. Где-то в глубине души копошились еще сомнения—«не за чем было к станку итти. Что он этим докажет»...

Но тут же была большая гордость за себя. Пошел сам, добровольцем. И Гриша даже чувствовал некоторое превосходство перед своими товарищами, «ответственными».

Когда Гриша в первый раз сдал вполне хорошую работу, он испытал большую, настоящую радость. Он становился заправским токарем.

Однажды у Анохина случилось несчастье: он слишком сильно запустил резец и испортил работу. Пришлось выкинуть четыре фланца.

К анохинскому станку подходит начальник цеха:

— Что же, испортили, конечно, фланец?

— Испортил! Признаю! Что же вы сами ко мне подходите, не мастер?

Начцеха ушел. В этот день много рабочих в цехе сделали брак. У дверей красного уголка вывесили выговор за преступную халатность 15 рабочим. В числе 15 Анохина не было. Рабочие сразу стали подозрительно коситься на него. Гриша не понимал в чем дело. Но когда он прочел список «наказанных», он сейчас же побежал к мастеру. «Почему мне нет выговора?». «Завцехом не приказал». «Что же вы со мной делаете? Обязательно выговор и мне». Через пять минут рядом с длинным списком повисла еще одна бумажка: «Выговор токарю Григорию Анохину». Рабочие перестали коситься.

После работы стали подходить: «Что же это, Гриша, скоро всему цеху выговоры будут». Анохин успокаивает, увещевает. Тут и разворачивается беседа о социалистическом соревновании. Гриша убеждает, указывает на убытки от прогулов и брака. Слушают его внимательно. Слушают лучше, чем других докладчиков.

Один из рабочих все время мешает беседе: «Чего там! Не хотим с Сормовским заводом договора подписывать. Пусть нам сормовичи не указывают. Сами знаем, что делать». Беседа тянется долго. Когда приходит голосование, против подписания договора только один. Список с выговорами у дверей красного уголка — пожалуй, последний список. Арматурщики вступили в соревнование.

... Социалистический договор был подписан. Торжественная часть окончилась. Необходимо было приступить к горячей, трудовой, будничной работе. Каждое слово договора должно было стать делом.

Еще продолжались междуцеховые вызовы, еще не вернулись коломенские представители с ижевского, путиловского и других заводов, куда они ездили подписать договор,—а уже выявились первые практические дела.

Первым был старший производственник-токарь вагономеханического цеха Захаров. Захаров начал с небольшого. Он почти ничего не говорил о соревновании. Он только внимательно слушал все доклады и видимо что-то обдумывал. Без излишней помпы, без лишнего волнения подошел к начальнику вагономеханического цеха и заявил: «Я отказываюсь от платы мне за постановку деталей. На снижение это пустите»...

Захаров никому не делал вызова. Захаров просто снизил себе оплату. Но это было принято всем вагономеханическим цехом как вызов. В бригадах начали торопливо подсчитывать и обдумывать, как ответить на молчаливый вызов Захарова. Первой кончила подсчеты бригада слесарей Гусева. Бригада не торопилась. Когда некоторые хотели сделать все поскорее, другие неторопливо и почти сурово обрывали их: «Не торопись, не шутки шутим. Подпишем, так выполнять придется».

Бригада Гусева решила снизить 9,5 проц. стоимости с выполняемой бригадой работы и вызвать бригаду Калинина.

При подписании междубригадного договора, некоторые сомневались: «Есть среди нас, которые отлынивают. Разговорами больше занимаются, чем работают. Так что кто подпишет, то надо бросить все это».

Как-то так случилось, что при этом больше всего посматривали в сторону Мойсеева. Мойсеев заволновался. «Слово пролетарское даю, честно буду относиться к работе».

После бригады Гусева выступили бригада Львова, бригада Коновалова и другие.

Бригады говорили о «мелочах». Так, например, в бригаде Коновалова намечали снижение времени обработки деталей на одну минуту. Но эта минута давала не один рубль производству.

Одна из бригад снизила цену вагона на 30 рублей, другая снизила норму на 135 рублей в месяц. Вызов токаря Захарова был принят.

⁂

В паровозомеханическом цехе бригада Щеголькова и Феди Ульянова нажимала все сильней. Щегольков был избран председателем производственного совещания цеха. Сначала рабочие сомневались: «Молод... Куда ему!». Но сомневающихся разбили фактами. «Молодто, молод, да дела у него старые!».

Действительно, дела у бригады Щеголькова были большие. Бригада повысила производительность на 50 проц. Если раньше бригадники обрабатывали детали на 12 паровозов, то теперь они дошли до 18 и обещали в следующий месяц подняться до 25.

Производственный энтузиазм цехов не мог не отразиться на работе всего завода. За апрель прогулы уже снизились с 8,4 проц. до 5,1 проц. Было выпущено 11 больших и 10 малых паровозов,в то время как средняя норма равнялась 8 большим и 7 малым. Сократились простои. Увеличилось также количество выпускаемых дизелей. Если в марте было выпущено 2 дизеля, то в апреле их стало 4, в мае—6 и в июне предполагается—8.

В качестве одной из премий дирекция послала одного из застрельщиков соревнования, комсомольца Щеголькова на харьковские паровозные заводы, поучиться и привезти на свой завод новые достижения харьковцев.

На Ижевский завод подписывать договор среди других делегатов поехали замдиректора—Кобозев и слесарь паровозомеханического цеха—Федя Ульянов.

⁂

Федя Ульянов один из лучших производственников цеха. Он верный товарищ Щеголькова и руководитель ядра рационализаторов.

При первом взгляде Федя Ульянов производит неприятное впечатление. Брови всегда насуплены. Он хмур и угрюм, отвечает всегда скупо, часто слова его пропитаны желчью. Но если вы ближе познакомитесь с Федей Ульяновым, если вы сумеете совлечь с него его внешнюю кожуру — вы удивитесь, как не отвечает внешний вид внутренней сущности Ульянова.

Всю свою активность, всю свою энергию он отдал производству. он организовал ядро рационализаторов, он один из лучших изобретателей завода. Когда нужно было послать представителей на Ижевский завод подписать договор, паровозный отдел без прений выдвинул Ульянова. И в эту минуту угрюмое и мрачное лицо Феди прорезала радостная и наивная улыбка.

Ап. Исбах.

---

*) Из ряда очерков, которые будут напечатаны в журнале «Октябрь» № 6.

О „СЕРЕДНЯКАХ“ И ЦАРСТВЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОГРАНИЧЕННОСТИ

В № 8 «Литературной Газеты» была напечатана статья В. Вешнева, называющаяся «На путь массовости».

— Среди писателей, — рассуждает Вешнев, — имеются писатели-«корифеи» и писатели-«середняки». Перед нами стоит задача создания массовой художественной книги, — книги, которая дойдет до миллионов, будет читаться ими, будет ими любима. Эта задача, считает Вешнев, будет разрешена не писателями-корифеями, но писателями-середняками. Курс на середняка.

«С точки зрения этой задачи (создания массовой художественной литературы. **Л. А.**) наши корифеи часто ничего дать не могут: они недоступны широким и, тем более, широчайшим массам... среди писателей, так сказать, середняков, большинство пишет просто, ясно, четко, они строят сюжет понятнее, тему берут доступнее и ближе к жизни, быту и интересам широкой массы, большей частью, не снижая эти темы с уровня больших задач нашего строительства, а, наоборот, умело приближая их к этим задачам. Массовую, художественную книгу создаст не писатель-корифей, а писатель-середняк... Больше внимания писателю-середняку. Его книги — в массы! Эти середняки быстро станут писателями **миллионных масс**» (курсив Вешнева).

Бунт посредственности — вот знамя Вешнева. Место под солнцем мещанской ограниченности!—таков его клич. И обыватель хочет жить!—таков смысл его философии.

Вешнев считает, что ежели взять да пересмотреть советскую литературу, то роман «Бабьи тропы» оказался бы гораздо более бесспорным и в идеологическом и в художественном отношении, чем «Тихий Дон». Это, конечно, наивные пустяки, но, ведь, тогда авторы «обиженных» произведений перешли бы из разряда «середняков» в разряд «корифеев».

Что же, «Тихий Дон» и «Виринея» непонятны массам, не читаются ими, не заслуживают их внимания?

Разве «Бабьи тропы» Березовского не изданы? Разве они были в штыки приняты критикой? Разве мало они рекламировались издательством? Почему же читатель предпочел, предпочитает и будет предпочитать этому роману «Виринею» Сейфуллиной? Потому, что читатель вырос и растет дальше. Серое сукно, выдаваемое за шелковые полотна, его не удовлетворяет, нудная натуралистическая бытовщинка «Бабьих троп» не может покорить читателя, даже если автор весьма идеологически выдержан, ибо бездарность только компрометирует великие идеи, которые она берется защищать. А вот Сейфуллина—попутчица, сегодня она отошла от нас дальше, чем в начале нэпа, например, но ее «Виринея» заслуженно не залеживается на книжных витринах и на полках библиотек, ибо это произведение большого мастерства, крупного социального значения, где идея не навязывается читателю, но входит в его сознание, как действительный смысл и внутреннее содержание описываемых художником явлений.

Но, ведь, «Бабьи тропы» идеологически «выдержаннее», чем «Виринея». Но, ведь, мы должны бороться против уклонов попутничества и за свою пролетарскую литературу? Но, ведь, защита Сейфуллиной против Березовского граничит с отказом от классовой точки зрения? Экая «стопроцентность»! Экая «ортодоксия»! Экое благородное негодование! Но не надо путать стопроцентной ортодоксии с ортодоксальной стопроцентностью сладенького вранья и комчванства. (Не надо всякое благородное негодование принимать за благородство мыслей и чувств негодующего суб'екта).

Защита «Бабьих троп» против «Виринеи» есть худшее зло и худшая беда для пролетарской литературы. Пролетарская литература уже давно переросла и отбросила лозунг «хоть сопливенькие, да свои», потому что она дала ряд произведений, свидетельствующих о том, что появились писатели и не «сопливенькие», а свои. Она уже давно преодолела всякую примесь настроений «заушательства», «зажима» и даже простой злости — этих свидетельств недостаточной силы, понятных и об'яснимых в свое время и на своем месте.

Но, ведь, сегодня пролетарская литература успешно соревнуется с попутчиками, побивая их не только своими платформами, презрение к которым является, впрочем, вульгарной ограниченностью «эмпириков на ограниченной базе», — но и своими произведениями.

Положение вовсе не таково, что все «корифеи» пишут непонятно для масс, оторваны от актуальных вопросов современности, отличаются идеологической невыдержанностью и т. д., и т. п. Дело, к счастью, обстоит не так, что защита «середняка» является защитой «классовой линии», а борьба против корифеев—заезжательством по адресу чужих, а может и чуждых писателей.

Разве «Заповедные воды» революционнее «Тихого Дона»? Разве не на положение «середняков» переходят у нас весьма многие интеллигентские писатели, ориентирующиеся на мещанина, переливающие старые темы, ходящие в отрепье эстетской пошехонской старины, или усердно подмалевывающиеся предметами косметики бульварной дешевки капиталистического Запада?

Нет, Вешнев вовсе не преследует каких-либо классовых задач своим выдвижением середняка. Он пишет: «Праве ют корифеи, происходит кризис попутничества, совершаются сдвиги в рядах «генералов» пролетарской литературы, — всему этому нужно уделять большое внимание, но в гораздо меньшей степени, чем писателю-середняку»...

У Вешнева речь идет о писателе-середняке вообще. Он противопоставляется не только попутничеству, но и «генералам» пролетарской литературы. Так Вешнев становится нам ясным вполне: **его забота о массах заключается в том, что он признает второй сорт лучшей литературой для миллионов читателей.** Нет нужды, что «простота» середняка весьма часто не далека от упрощенства. Нет нужды, что понятность сюжета у многих середняков является лишь свидетельством их литературной неумелости, ибо подлинная понятность сюжета предполагает или большое мастерство там, где речь идет о серьезной теме, или ремесленную ловкость, «компенсирующую» незначительность содержания.

Мы даем старый ответ Вешневу,—ответ старый, но пока еще не устаревший и не стареющий: Народолюбивые интеллигенты могут питаться и продукцией «середняка», а массам надо давать **лучшее** из всего того, что имеется в художественной литературе, лучшее со всех точек зрения, ибо механически делить «художественную» и «идеологическую» сторону произведения могут лишь люди, никогда не читавшие Плеханова, утверждавшего, что ложная идея, кладущаяся в основу художественного произведения, губит и его художественную сторону. В наше время к этому нелишне добавлять, что Плеханов говорил не о какой-нибудь на ходу воспринятой мудрости политграмоты для школ I ступени, но об идее,—во-первых, и что, во-вторых, лучшую идею можно погубить антихудожественностью произведения.

Халтура теперь встречается не только желтого цвета. Есть и халтура красная, — ею особенно промышляют писатели, которых Вешнев, наверное, относит к середнякам, но которые являются приспособленцами, тем более пошлыми и отвратительными, чем больше они становятся «на путь массовости».

Пушкин писал однажды:

Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.

Красные халтурщики, однако, характеризуются обратным: им легче продать вдохновенье, чем сбыть свою рукопись.

Литература не делается одними корифеями. Но литература делается и не всеми, кто считает себя писателем. Массовость пролетарского литературного движения отстаивается нами вовсе не для того, чтобы «корифеи» потонули в массе «середняков», а для того, чтобы быстрее росли и выделялись «корифеи», чтобы начинающие скорее переходили из низшего класса в высший, чтобы уровень самих «середняков» подымался с каждым днем все выше.

Но у Вешнева речь идет и не о молодняке. Его «середняк» — категория не возрастная. Флобер был прав, когда писал в одном из писем: «Я был бы дурного мнения о художнике, который, будучи молодым, не имел бы высоких замыслов. Для того, чтобы создать хороший сюжет, следует начать с эпической поэмы». В литературу войдет и входит молодняк, отнюдь не готовящий себя в «середняки», но одушевленный великими замыслами и ставящий себе большие задачи. Кто с молодости ориентируется на «середняцкую» участь — подает, в литературе, небольшие надежды.

Статья Вешнева дала нам в известном смысле классический образчик того, как **под шумок криков о массах, пытаются подсунуть миллионам залежавшийся дешевый товар.**

Подстрижка всей культуры под одну гребенку — отнюдь не курс рабочего класса. Буржуазно-демократическое культурничество никак не похоже на ленинскую культурную революцию. Пролетарские культурные работники в окружающей их сложной и противоречивой обстановке не должны переходить ни на точку зрения опрощающегося барина, заботливо пекущегося о массе, как темном стаде, ни на позиции забвения о массах, пренебрежения ими, игнорирования задач элементарно-культурнического характера.

Выступление Вешнева не только тянет нас с правильного пути, но оно показательно именно потому, что **отражает действительные опасности возможного сползания к царству крестьянской ограниченности, мещанского застоя, обывательской серости.**

Л. Авербах.

ЛАБОРАТОРИЯ ТВОРЧЕСТВА

„УСТРАНЕНИЕ ЛИШНЕГО“

О „НЕВЕСТЕ“ А. П. ЧЕХОВА

«Я боюсь тех, кто между строк ищет тенденции»,—говорил и не напрасно А. Чехов. Инкриминирование критикой писателю всяческих намерений, чувств и мыслей особенно заметно в критической литературе о Чехове.

Ломясь в открытую дверь, доказывают часто, что Чехов не примирился с житейской пошлостью (как-будто истинный художник способен на это), что Чехову все общественное не было чуждо, и другие стертые пятаки критического глубокомыслия. Это особый вид «инкриминирования», со знаком минус. Но много можно найти примеров и со знаком плюс, когда «находят» то, чего не было в его произведениях. Совсем недавно, например, Чехова настроили на особый мажорно-прекраснодушный тон, до неузнаваемости исказивший художественный образ писателя. И тот и другой виды «инкриминирования», конечно, «оба хуже».

Разве не стремлением **к художественному правдоподобию** руководится художник, когда он ищет своего последнего слова в произведении? И не в этом ли заключается сравнительно-возможная «тенденция» его намерений? Черновые рукописи, оставшиеся в незначительном количестве после Чехова, многое в этом отношении могут сказать и показать. Апелляция **к первоисточникам** — счастливая возможность, и стоит ею воспользоваться, чтобы почувствовать себя свободным от всяческих вымыслов, тенденций и штампов, затемняющих облик Чехова. Наиболее ценный, из опубликованного, материал —это черновой автограф (по своей законченности его можно считать вариантом) последнего рассказа Чехова «Невеста» и, отчасти, небольшие записи о нем же в «Листке из блокнота» *).

Что любопытного и показательного в этом автографе по сравнению с печатным текстом «Невесты»? Мы увидим, как А. Чехов, очень взыскательный художник, ради художественного правдоподобия и художественной целесообразности (понятия осуществимые), исподволь и настойчиво работал «ножницами» (вспомним советы Флобера, Мопассана, Франса), обрезая лишние углы в рассказе, как он внимательно разглаживал всю ткань произведения, выравнивая и сводя к некоему центру многочисленные линии «Невесты».

Такая обработка, которую можно назвать художественным прессованием материала (А. Ф. Кони, в V томе «На жизненном пути», говорит, что в художественной манере Чехова есть «ta élimination du superflu, т.-е. **устранение лишнего**, которая так блестяще достигнута братьями Гонкур, Додэ и Мопассаном», — стр. 175), несомненно, питалась и как-то соответствовала состоянию духа самого Чехова в последние годы жизни. Известная доля, хотя и беспокойной, примиренности с «серенькой заурядной» жизнью толкала писателя к **сглаживанию** острых положений. Поиски художественно-жизненной гармонии, приведение обертонов в созвучие с основным тоном—вот к чему свелась работа Чехова над окончательным текстом «Невесты». Приведем ряд примеров, которые помогут нам избегнуть чтения «между строк».

1. Надя, «живая, веселая, покинула город—как полагала, навсегда» — так читается конец последней фразы рассказа. Уже одно это проблематическое, «как полагала», говорит о смутном, к себе обращенном, предостережении, что Наде предстоят испытания, что «располагать» будет не она сама и ее желания, а реальная жизнь, всегда жестокая, обманчивая. Только в такой осторожной форме и могла недавняя «невеста» почувствовать наступление тревог. Во всяком случае, ее аффективно-мечтательная натура не могла предвидеть будущего так обязательно и уверенно, как это было—по замыслу Чехова—вначале: «беспокойство останется до конца дней, куда бы судьба не занесла»... Ради сохранения всех оттенков характера и возраста Нади Чехов и прибег к этому приему психологического сглаживания.

В печатном тексте все смятения Нади перед замужеством, ее душевная борьба, ее поиски выхода из положения, раздумья о своей судьбе и пр., сведены к возможному минимуму. Чехов исключительно скуп на выражения этого смятения, ибо длительный «самоанализ» Нади неизбежно, в силу закона психологического торможения, предостерег бы ее от бегства из дому. Не то было в черновом автографе: все подспудное, неосознанное находилось на поверхности, как бы демонстрируя глубину Надиных переживаний. Бурный же поступок «невесты» требовал именно тихой подготовки, с неожиданным разрядом. Художественно-естественное правдоподобие, как и в первом случае, было найдено и закреплено отсечением ненужностей.

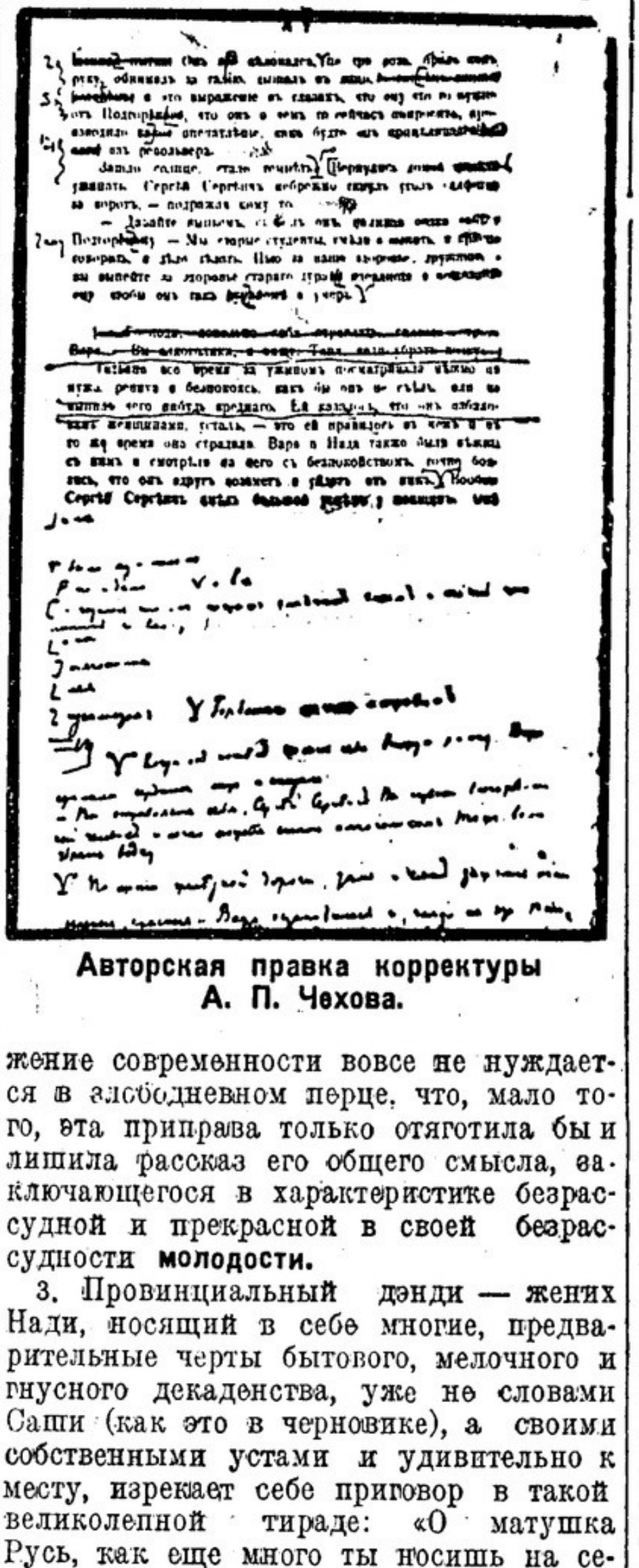
Чистота порывов Нади, ее тяга к светлому, к освобождению не были бы так выпуклы и разительны,—ведь на этом построена фабула рассказа,—если бы Чехов частично не выбросил то сугубо-житейское и мелочное, что подмечала Надя в своем быту (отец жениха не платит извозчикам и пр.). Вторжение этих «деталей» совсем приземлило бы образ Нади, и так уже достаточно наполненный взрывчатым материалом. Энтузиастка Надя легче и свободнее должна была воспринимать, так сказать, субстанцию пошлости, чем подмечать внешние проявления ее.

Умирающий Саша, ее бог и соблазнитель, кому она была обязана всем своим перерождением, должен был повергнуть Надю в страшное смятение и ужас. Но Чехов остро подметил, что после Петербурга Надя уже не та прежняя провинциальная спутница провинциального Саши («предостережение о будущем сказалось!), которая доверчиво поддавалась внушениям своего Мефистофеля. Некоторая черствость Надиных чувств («ей было неприятно, что это предчувствие и мысли о Саше не волновали ее так...») находит свое глубокое и естественное оправдание также и в том, что она сознает в себе эту перемену. Роль Саши ведь кончилась. Надина же продолжается. Таково эпическое, чистой волею писателя добытое, разрешение коллизии.

А несколько лучше и остроумнее, сравнительно с черновой рукописью, показана любовная, восклицательная, пошлость жениха: он «безумствует от восторга!» В печатном тексте Чехов одним образом—представлением уничтожает весь пиэтет жениха: Надя вспоминает, что она «читала где-то... в романе» об этом «безумстве!» Одной фразой достигается наибольший эффект.

2. Саша—тип «вечного студента» (он некоторым образом напоминает студента Трофимова, а Надя—Аню из «Вишневого сада»). Вся его нигилистическая неряшливая фигура прекрасно бы гармонировала с пристрастием к богемной жизни, к пьянству и пр. В черновике таков он и есть (явственные намеки на хвастовство, пьянство). Но ведь сей тщедушный мефистофель, толкнувший Надю на разрыв с семьей ради светлых чаяний, по своей роли в рассказе—положительное, симпатическое лицо. И вот выбрасывается многое, что могло очернить Сашу и, наоборот, вставляется замечание о нем: «и все-таки красивый»... Так, между жалостью, гордостью и отвращением к этому человеку Чехов нашел что-то среднее, но простое и убедительное по своему художественному правдоподобию.

Речь Саши о своем будущем попутчике по Волге—безымянном мистике и о самом себе—нигилисте выброшена. Вторгшийся в лирический рассказ откровенный публицистический мотив Чехов решительно отсек (как часто он мирился с ним в других своих произведениях!). Писатель увидел, что изображение современности вовсе не нуждается в злободневном перце, что, мало того, эта приправа только отяготила бы и лишила рассказ его общего смысла, заключающегося в характеристике безрассудной и прекрасной в своей безрассудности **молодости**.


Авторская правка корректуры А. П. Чехова.

3. Провинциальный дэнди — жених Нади, носящий в себе многие, предварительные черты бытового, мелочного и гнусного декаденства, уже не словами Саши (как это в черновике), а своими собственными устами и удивительно к месту, изрекает себе приговор в такой великолепной тираде: «О матушка Русь, как еще много ты носишь на себе праздных и бесполезных! Как много на тебе таких, как я, многострадальная!». Блестящ этот самоуничтожающий жест жениха, убивающий в Наде, больше чем картина с нагой дамой, всякое уважение к своему «нареченному».

Еще более к месту проделана и другая операция с женихом. Течение событий было бы далеко от правдоподобия, если бы был оставлен эпизод с посещением женихом Надиного дома после ее бегства. Мог ли он пренебречь учиненным Надей скандалом на весь город, над его именитым именем, т.-е. быть рыцарем, верным своей прекрасной даме? Не мог, ибо, не показана нигде в рассказе (кроме «безумства от восторга»!) его любовь к невесте. Чехов сцену эту выбросил. Зато ввел прямо противоположную, перенеся черты благородства с жениха на Надю: дразнящий, оскорбительный крик мальчишек по адресу Нади: «Невеста!» девушка переносит стоически (второе «предостережение» жизни...).

На этом и остановился. Заметьте: как легко, при добром желании, увидать в этих купюрах и заменах всевозможные «тенденции» Чехова. Можно было бы привести и другие—схожие и противоположные по своему происхождению—примеры (штриховка образов матери и бабушки Нади), но и из приведенного видно, как достигал Чехов своей цели, и что поиски художественного правдоподобия играли важнейшую роль в создании рассказа.

А. П. Чехов старался прежде всего освободить свой рассказ от балласта. Конечно, это выбрасывание материала он делал, руководствуясь требованиями своего разума и чувства, которые были воспитаны его временем и его социальной сущностью, но отсюда еще далеко до некритического «инкриминирования»...

Н. Замошкин.

---

*) Опубликованы в сборнике 2-м «Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина», М. 1928—1929, Е. Н. Коншина «Из литературного архива А. П. Чехова».

НОВОСТИ ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

„А СУДЬИ КТО?“

Анри Бэро, видный французский романист, написал несколько лет тому назад гнусный памфлет на СССР. Невежество и грубая тенденциозность Бэро были разоблачены, между прочим, известным французским адвокатом Гибу-Рибо в книге «Où va la Russie». Гибу-Рибо доказал достаточно отчетливо, что Бэро вообще ничего не видел в СССР и что книга его состряпана специально по заданию издателя и по рецептам бульварной печати. Одну фразу книги адвоката Рибо Бэро счел особенно оскорбительной для себя (фраза эта: «Бэро — лакей печати, находящейся на содержании») и возбудил против автора судебный иск о диффамации, требуя 50.000 франков в качестве компенсации за понесенный «моральный ущерб»!

Дело слушалось недавно в Париже. Интересы черносотенца Бэро защищал ренегат, адвокат Торрес, ныне член французской социалистической партии. Судья признал обвинение **доказанным** и приговорил Гибу-Рибо к уплате 5.000 франков в пользу Бэро, ста франков судебных издержек и к 5 публикациям в печати...

МОНУМЕНТАЛЬНЫЙ ЗОЛЯ

Французский издатель Франсуа Бернуар приступил к изданию полного собрания сочинений Эмиля Золя в 50 монументальных томах. Сообщая об этом, «Литерарише Вельт» пишет, что предприятие издателя — «почти подвиг», так как Золя во Франции принадлежит к тем писателям, о которых много говорят, и притом далеко не всегда в лестных для них выражениях, но которых мало читают.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕМИИ В АМЕРИКЕ

В Нью-Иорке состоялось сенсационное присуждение премии **в 25.000 долларов** (за лучший роман о войне), назначенной издательством Мифлина и журналом «Американский Легион». Премия поделена между Вильямом Скенлон (роман: «Бог смилостивился над нами») и мисс Мэри Ли (ее роман: «Это была великая война»). Затея такой черносотенно-империалистической организации, как «Американский Легион», преследует явные реакционно-патриотические цели. Самые заглавия романов в этом отношении достаточно характерны.

НОВЫЕ МАСТЕРА РЕКЛАМЫ

В один из дней минувшего апреля читатели Ньюйоркского «Таймса» и лондонского «Обсервера», разворачивая привычные газеты-монстры, увидали огромные, почти во всю газетную полосу, портреты Бернарда Шоу, Арнольда Беннета и Герберта Уэлса—каждого на отдельной странице, с несколькими строками сопроводительного текста. Текст этот является ответом каждого из писателей на предложение известного лондонского и американского торгового дома «Харрод» изучить предприятие и создать ему литературную рекламу любым способом, конечно, за соответствующий гонорар. На это не лишенное коммерческого цинизма предложение все трое ответили отказом. Однако, Беннет и Уэлс обставили отказ такими «оговорками», которые по существу делают отказ согласием. Лишь старик Шоу, повидимому, рассердился всерьез. Так или иначе, все три ответа все же появились в печати и послужили великолепной рекламой фирмы.

«Почему бы писателю,—говорит Уэлс, —не делать того, что отнюдь не считается предосудительным, когда делается архитектором, художником, инженером? Почему бы и писателям не принять участия в рекламной работе? Дело, однако, в том, что писатель — справедливо или нет — считает себя слишком серьезным для такого дела,— ставя себя не в ряды художников, а в ряды проповедников и пророков».

Арнольд Беннет пишет: «Как писателя, меня всегда интересовали и вызывали во мне симпатии такие феномены, как большой современный магазин,— и с точки зрения его живописности и как живой организм и, наконец, как социологический фактор. Я согласен с вами, что вы в праве включить писателя в число тех, кто помогает вам. Но общественное мнение Британии еще не созрело для этого и не пожелает пока оправдать использование ответственных художников слова для рекламы коммерческих предприятий, хотя лично я расхожусь в этом отношени с мнением публики».

Бернард Шоу ответил зло: «Предложить нечто подобное мистеру Уэлсу, это то же самое, что архиепископу Кентерберийскому предложить чек за восхваление в очередной проповеди качеств мыла или ботинок той или другой фирмы. Согласиться на такую вещь, значит дойти до последней степени коррупции в литературе. Пусть коммерческие предприятия приглашают опытных, но неизвестных писателей составлять для них литературные рекламы, но писатель, служащий обществу и тем самым ставший его пророком, не смеет получать мзду за что-либо подобное».

Думается, что в своем писательском аристократизме Шоу останется в блестящем одиночестве, и что перед коммерческими благами «таких феноменов, как большой современный магазин» вряд ли устоят даже писатели — пророки. Некоторым подтверждением нашего предположения может послужить аналогичный факт в Германии.

Немецкая табачная фирма «Вальдорф Астория» начала давать к своему фабрикату бесплатное приложение в виде литературного листка, вкладываемого в коробки с сигарами или папиросами. К участию в этих листках приглашен ряд корифеев немецкой поэзии и прозы, как Томас Манн, Густав Мейринк, Альфред Дэблик, Вальтер фон Моло. Они примыкают скорее к меркантильной точке зрения Арнольда Беннетта. Фон Моло, ничтоже сумняшеся, скрепляет своим авторитетным именем такое, например, утверждение: «Качество табака фабрики «Вальдорф Астория» столь же высоко, сколь высока в художественном отношении его упаковка!

Надо полагать, что администрация «Вальдорф Астория» по достоинству оценит поэтические похвалы достоинств ее продукции. Трудно, однако, отнести подобные доходы к категории литературного гонорара. Разве не выступают в данном случае именитые буржуазные писатели в роли рекламных агентов торговых предприятий?

И. Эльвин.

ПУТИ СОВЕТСКОИ САТИРЫ

ИШБКАО ТОВ. БЛЮМА *)

«Сатира не нужна. Сатира умерла», — утверждает тов. Блюм в своей статье «Возродится ли сатира».—«Не годится более это орудие (т.-е. сатира. **М. Р.**) для борьбы с одиозными пережитками в нашей государственности и общественности... Надо изменить методы борьбы с недостатками—надо перейти от «игрового» к «неигровому» способу борьбы. Будем бороться организованно—в прессе, в профсоюзе в партии, в добровольном обществе».

Так ли это?

Продолжим вывод т. Блюма до конца. Партия, профсоюз, добровольное общество не только выжигают недостатки. Они творят и положительное. Суживать роль их до карателей, значит не признавать за ними значения творцов, строителей нового строя и нового общества. Но тогда надо сказать, что вообще вся художественная литература не нужна. Зачем роман о любви, когда есть у нас ЗАГС и Нарсуд на случай алиментов? Зачем «Цемент» Гладкова,—когда идет социалистическое соревнование, в котором принимают деятельное участие партийные, профсоюзные и советские организации. И совсем не след было писать и зря печатать «Преступление Мартына» Бахметьева или «Лапти» Замойского, затрагивающие жизнь коммунистов, когда есть ЦК и ЦКК.

Однако ни партия, ни правительство, и надо думать ни т. Блюм, необходимости художественной литературы и признания за ней большой роли в культурном строительстве не отрицают, а, наоборот, всеми мерами углубляют ее, повышают ее качество.

Тов. Блюм обрушился на сатиру и выделил ее из общей семьи художественных произведений как развратное, лживое и разлагающее существо. В пылу разгневанного целомудрия он не заметил, что вслед за изгнанной из его, блюмовского рая, грешной сатирой потянулся длинный хвост **отрицательных типов**, дотоле мирно и на законном основании занимавших жилплощадь в обычных художественных произведениях. Вполне резонно они — пострадавшие заодно, отрицательные типы, — почувствовали родство с сатирой и, не дожидаясь вежливого приглашения в порядке очереди, поспешили уйти сами.

Ладно еще, что т. Блюм помиловал прессу. Ей он разрешает писать об отрицательных явлениях. Слава богу листок РКИ в «Правде» пока еще может жить!

Так, у т. Блюма во всей художественной литературе остался один 100-процентный положительный тип. А мы кричим о «живом человеке» в литературе, оказывается, мы невольно занимаемся злостной клеветой на наш советский строй и аппарат.

Оторвавшись от реальной действительности, т. Блюм вынужден был избрать путеводной звездой Глеба Успенского, Гоголя, Салтыкова-Щедрина и других сатириков. Они бросали бомбу язвительной насмешки или страшных в своей отвратительности типов в современный им строй с целью разрушить его.

— «А! И вы хотите разрушать современный вам советский строй!»—обличает и выводит за-ушко на солнышко т. Блюм нынешних сатириков. Но т. Блюм забывает, что Салтыков-Щедрин, Глеб Успенский и, с оговоркой, Гоголь —бросали бомбы в чуждый им ненавистный строй. Они видели или чувствовали, что все, что они улавливают, вытекает из этих самых основ этого строя, является его живыми отростками и плодами, что вскрытые ими отрицательные явления покрываются самим строем, при котором они жили.

Но где у т. Блюма основания утверждать, что наши отрицательные явления и их носители порождаются нашим советским строем? В том-то и особенность советского строя, что все эти явления **осуждаются самим строем**, не покрываются им, а выталкиваются, как чужеродное тело, застрявшее в организме.

Споткнувшись и на особенностях советского строя, т. Блюм невольно создает надежное прикрытие для всякого рода бюрократов, волокитчиков, головотяпов и откровенных вредителей. С каким наслаждением ухватятся они за мнимое кровное родство с советским строем и дружным хором заорут на сатириков, а разохотившись, и вообще на писателей и вообще на прессу:—«А! Вы посягаете на советский строй, вот кто вы такие!»

Чего боится тов. Блюм? Что сатирики расскажут о вредителях? И хорошо, что расскажут, т. Блюм.

Это нисколько не помешает, а «совсем наоборот», т. Блюм, поможет работе и партии, и профсоюзов, и добровольных обществ. Сатира вооружает рабочих и крестьян классовым гневом, раскрывает потайные ходы и щелочки, где угнездились вредители.

Прав т. Блюм в одном. Сатира не должна ломать побегов, срывать плоды, а тем более подкапываться под корни советского строя. Тут и уместно сказать про партию, профсоюзы и добровольные общества. Сатира, если она действительно советская, никак не может пройти мимо этих органов и организаций, не показать их положительной роли, их борьбы с одиозными пережитками в нашей государственности и общественности. Иначе действительно получится однобокая сатира, вводящая в заблуждение, сбивающая с толку и вносящая бесполезную панику.

М. Роги.

---

*) См. № 6 «Лит. Газеты».

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ ЗА ГРАНИЦЕй

При научно-техническом секторе Всероссийского общества культурной связи с заграницей организована этнографическая секция, под председательством академика С. Ф. Ольденбурга. В ее состав вошли от Москвы: профессора — Б. М. Соколов, Ю. М. Соколов, П. Ф. Преображенский, В. В. Бунак, Б. С. Жуков и др.; от Ленинграда — А. Н. Самойлович, профессора — В. Г. Тан-Богораз, В. М. Жирмунский, Б. Ф. Шишмарев, Д. А. Золотарев, А. М. Мервартт и др.

До последнего времени за границу почти не поступали сведения об огромной работе, проделанной нашими этнографами за истекшее десятилетие. Недавно организованная секция при ВОКС имеет целью информацию о научных достижениях в области этнографии и смежных дисциплин в СССР и за границей, публикацию работ советских ученых в заграничной печати и содействие нашим организациям в деле установления связи с научными учреждениями и высшими школами Запада.

Секция также оказывает помощь научным работникам командируемым за границу и содействует приезжающим в СССР иностранным этнографам.

ЖИВЕМ И НЕ ЗНАЕМ

— Все ли собрались? — спросил одетый в лохмотья, в галошах на босу ногу, с продырявленным цилиндром на голове, Немирович-Данченко.

Книппер-Чехова тихо заплакала:

— Прощай Москва... Никогда, никогда больше мы не увидим тебя. Только бы выпустили отсюда. Станиславский уже там, счастливец.

— Запаковали Булгакова?

— В ящиках с декорациями. Авось, на границе не заметят. Мы ему туда еды положили, коньяку три бутылки,— доедет.

На Белорусско-Балтийском вокзале царила суета, раздавались дикие крики. Классных вагонов, как известно, в СССР нехватает. Немирович-Данченко уже сидел на крыше красного товарного вагона и кричал, перегибаясь вниз:

— Москвин, дуй до горы сюды! Да тащи сюды молодняк... Баталов где?

Вдали стоял, окруженный милиционерами, печальный и грустный Качалов. Милиционеры зорко следили за каждым его движением.

— Может, его в цепи заковать? — предложил старый милиционер. — Еще вскочит в вагон и уедет. Актеры,—они народ хитрый.

— Мы перед отходом поезда его уведем. Попрощался с труппой, и баста! Пущай чувствует гуманность советской власти.

Качалов, прижимая платок к глазам, шептал:

— Вы уезжаете, а я навсегда пленник советской власти!.. На-всег-да...

Его увели: товарный поезд с оборванными, голодными, давно не мытыми (в СССР нет ни мыла, ни воды) артистами МХТ, увез их в гастрольную поездку за границу.

* *

Читатель недоумевает. Что за фантазия? О чем речь?

А это — иллюстрация к недавней статье в белоэмигрантской харбинской газете «Русское Слово».

Вот одна из цитат оттуда:

«Характерно, что сейчас из СССР Качалова никуда не выпускают. Гастрольные поездки МХТ за границу устраиваются без него. Ему не доверяют, он может не вернуться. Качалов навсегда советский пленник. Он, самая значительная жертва Рабиса».

Но этого мало. Жертвы кровавого Рабиса рассеяны по всей советской стране.

Вот дальнейшие выписки из той же статьи:

«Дмитрию Смирнову не только не дано обещанного выезда обратно за границу, но ему даже запретили всякую переписку с родными и знакомыми, оставшимися в Париже».

«Недавно газеты облетело известие о гибели сына певца, который, не получая никаких известий от своего отца из Москвы, бросился с Эйфелевой башни. Так горько расплачивается Смирнов за свое легковерие, поддавшись чарам советских сирен».

«Русское Слово» могло бы быть несколько грамотнее. А то, что же это такое: «облетело известие... не получая никаких известий»?.. Но не в этом дело. «Известие», в общем, правильное,— если внести несколько поправок.

Дмитрий Смирнов уже несколько раз приезжал из-за границы и уезжал обратно. Сына у Смирнова в Париже нет, а есть дочь в Риме. Эйфелева башня действительно стоит в Париже, но никуда не бросалась. Все остальное верно.

* *

Чтобы покончить с артистическими знаменитостями, «Русское Слово» переходит к «вскрытию» известной певицы Ирмы Яунзем.

Оказывается:

«Официально она выступает со своими песенками народностей. Неофициально выполняет гораздо более деликатную миссию, которая заключается в наблюдении над бытом высших советских провинциальных особ».

Оказывается,—это вовсе не Ирма Яунзем, а РКИ, ГПУ, легкая кавалерия.

Слушайте... Слушайте!

«Обычно, на нее возлагаются самые ответственные поручения. Согласно ее информации создаются впечатления о внутренней физиономии того или иного партийного бюрократа. Приезжая в любой город, эта «секретная» певица наблюдает за тем, как живут разного рода предисполкомы, партсекретари и т. д.».

Ужас, ужас, что творится в этой стране! На столбах афиши:

Концерт Ирмы Яунзем.

А «разные предисполкомы и партсекретари», не чуя беды, «ходят весело по тропинке бедствий». Певица поет не своим голосом и наблюдает, как слушают партсекретари. А потом в ЦКК, в РКИ, «самому наркому».

Теперь, конечно, концерты Ирмы Яунзем прекратятся. Теперь она раскрыта.

О, великое, могучее, свободное, брехливое «Русское Слово»!

Д. Маллори.

SOVIETIKA

УСПЕХ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В АНГЛИИ

Советскую литературу только недавно стали переводить и читать в Англии. Первым писателем, переведенным еще в 1924 году, был Пильняк, «Простые рассказы» которого не возбудили большого внимания по вине переводчика, не сумевшего передать своеобразный язык автора; книга получилась тяжеловесной и непонятной.

За последние два - три года пробуждается большой интерес к писателям СССР как со стороны критиков, так и со стороны читателей. Прошлой зимой была напечатана большая статья о советской литературе в литературном приложении «Таймса», отмечающая значение и качество нашей художественной литературы. Другие газеты, как «Manchester Guardian», «Observer Daily Herald» и «Sunday Worker», так же уделяют периодически место и внимание нашей художественной литературе.

Особый интерес пробудила книга Огнева «Дневник Кости Рябцева», год тому назад переведенная под заглавием «Дневник коммунистического школьника». Чрезвычайно тонкий и отзывчивый критик Арнольд Беннет, постоянно подчеркивающий значение молодых иностранных писателей, особенно восторженно отозвался об этой книге в своем еженедельном литературном обозрении в консервативном «Evening Standard».

«В этой книге, — сказал Беннет, — все является перлами»; она вызвала огромный интерес среди педагогов и оживленные споры о том, подлинный ли это дневник или только вымысел писателя.

«Исход Никпетожа» вышел этой зимой под заглавием «Дневник коммунистического студента». Эта книга не имела успеха, ибо, по общим отзывам английских критиков, Костя студент является типичным представителем интеллигента-аналитика в духе чеховских героев, он совсем не похож на бодрого советского общественника, и поэтому не показателен для современной учащейся молодежи.

Большой успех имела книга Валентина Катаева «Растратчики». Этот перевод, как и перевод «Дневника Кости Рябцева», был сделан мастерски и книга была рекомендована «Литературным обществом книги», как лучшее художественное произведение английской переводной литературы за апрель нынешнего года. Роману Катаева были посвящены обширные критические статьи даже в самых консервативных органах, как в «Evening News», вечернем издании «Daily Meil». Последняя статья принадлежит перу одного из лучших литературных критиков Англии — Пристлей.

«Конармия» Бабеля была переиздана с американского издания и чрезвычайно заинтересовала передовые круги читателей и критиков Англии.

Много внимания было уделено переводу «Цемента» Гладкова, который недавно вышел в левом издательстве «Martin Laurenc». Образ Даши вызвал особенный интерес, а весь роман был отмечен прессой как наиболее яркий художественный документ о годах гражданской войны, и, по признанию многочисленных читателей, впервые дал им яркое понимание атмосферы первых лет революции.

За «Барсуков» Л. Леонова взялось несколько переводчиков, которые не закончили своей работы, остановившись перед трудностями передачи стиля на английский язык.

„ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ“ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В Париже, в издательстве Альбэн Мишеля вышел роман И. Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев». Роман переведен на французский язык Бинштоком.

Пресса отмечает первоклассные достоинства этого юмористичекского романа, и называет его одним из замечательнейших произведений советской литературы. Еще до выхода «Двенадцати стульев» во французском переводе, в парижской литературной газете «Кандид» появилась восторженная рецензия о романе. Рецензент читал книгу в подлиннике, контрафакционно переизданном в Риге.

ПО ЛИТЕРАТУРНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ

ВО ВСЕРОССИЙСКОМ О-ВЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ПИСАТЕЛИ В КОЛХОЗЫ.

Секретариат ЦС ВОКП поручил тт. Клягину и Зорину договориться с Колхозцентром о командировании членов общества в колхозы. Решено разработать практические мероприятия по организации бригад писателей для художественных выступлений в колхозах. От ВОКП в колхозы на длительный срок выезжают тт. Дорогойченко, Тверяк, Журба, Волжский, Каспий и Трусова.

◆ ЦС ВОКП решил ходатайствовать перед коллегией Наркомпроса о создании премиального фонда помощи деревенским драматургам и ассигнования некоторых сумм для организации фонда.

При ВОКП организован учебно-критический центр. В его задачи входит издание учебно-методического бюллетеня для критиков крестьянских писателей.

ВОКП ведет переговоры с Наркомпросом о создании премиального фонда крестьянской драматургии.

В МОКП

Оргбюро МОКП по созданию областного центра наметило в сентябре-октябре созвать первую областную конференцию крестьянских писателей.

Для поездки в колхозы, МОКП'ом выделены тт. Кругов, Пучков, Степной и Гладилов. После своих поездок писатели дадут ряд очерков о колхозах в центральные журналы и газеты.

30 июля Московское общество крестьянских писателей устраивает в Центральном летнем клубе совторгслужащих литературный вечер для молодежи.

УКРАИНСКИЕ КОНСТРУКТИВИСТЫ

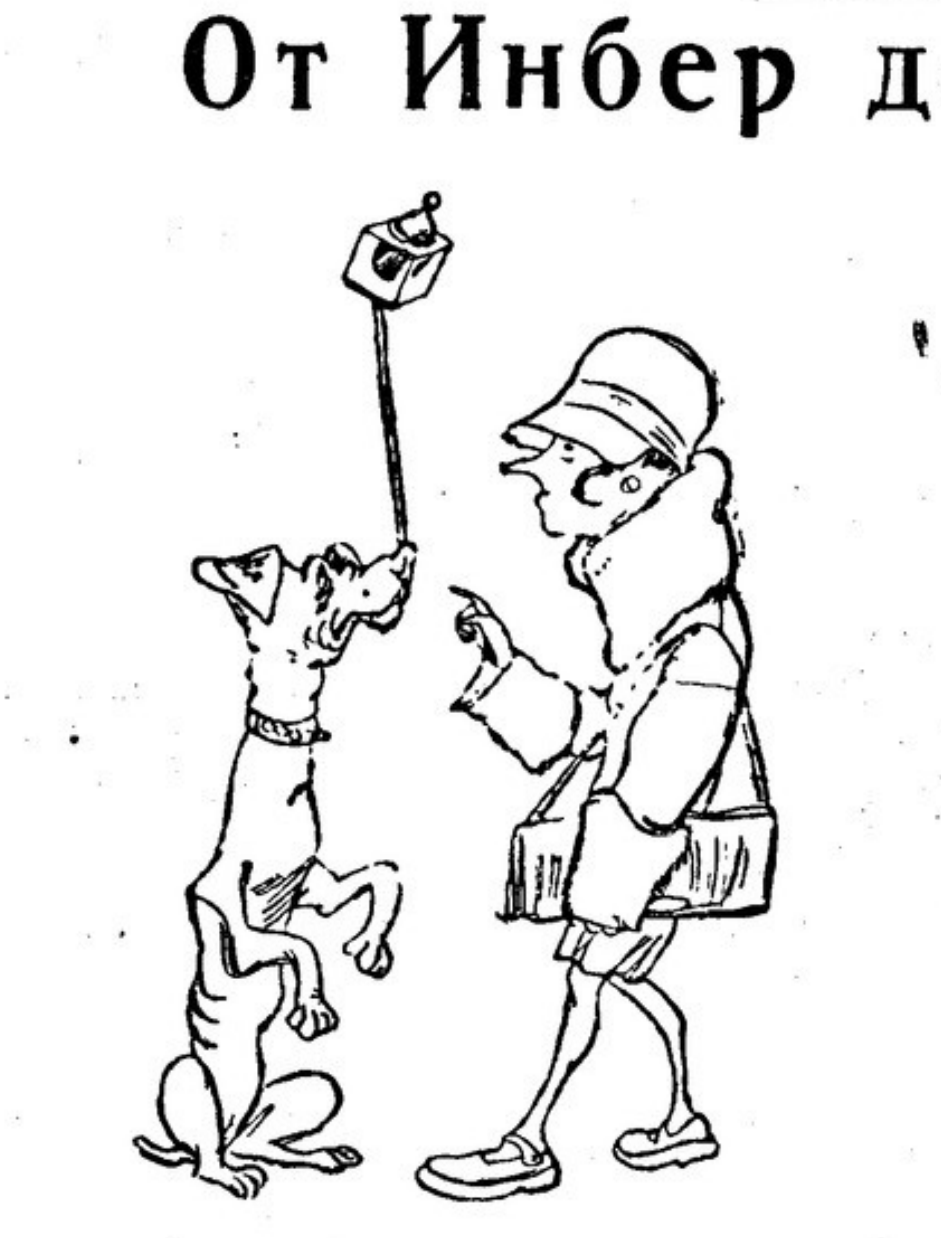
Группа украинских конструктивистов **«Авангард»**, во главе которой стоят: Валерьян Полищук, Л. Чернов, И. Семенко и др., на-днях выпустила свой сборник под названием «Авангард». В сборнике об'единены художественные материалы группы, обоснованы теоретические ее взгляды, дана информация о работе украинских конструктивистов и отражено мнение группы по различным вопросам литературной жизни Украины и всего Советского Союза.

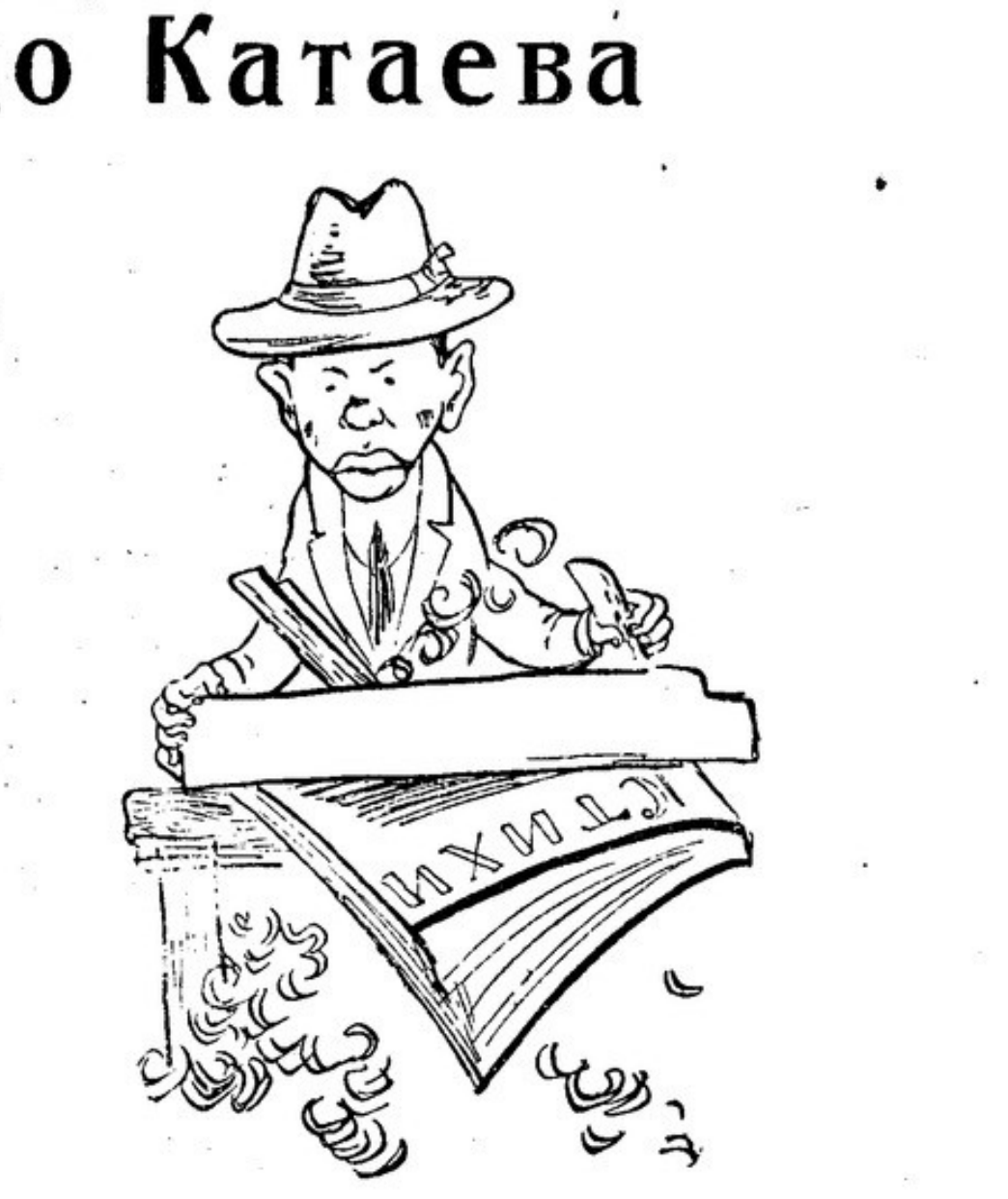
Конструктивистами издана **поэма Валерьяна Полищука «Доден и Роза»** из жизни Родена и Анатоля Франса.

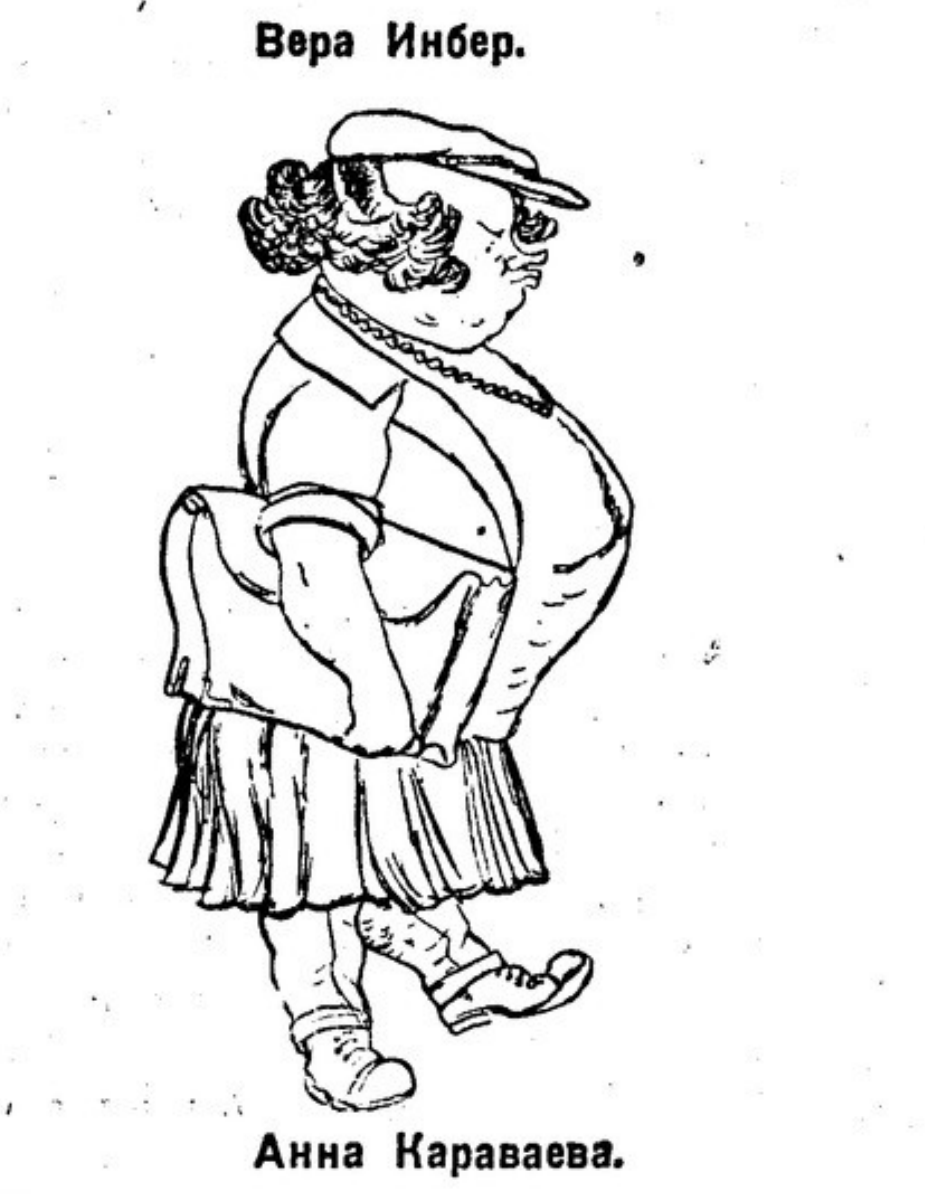
ЛИТ-ЭНЦИКЛОПЕДИЯ В ШАРЖАХ

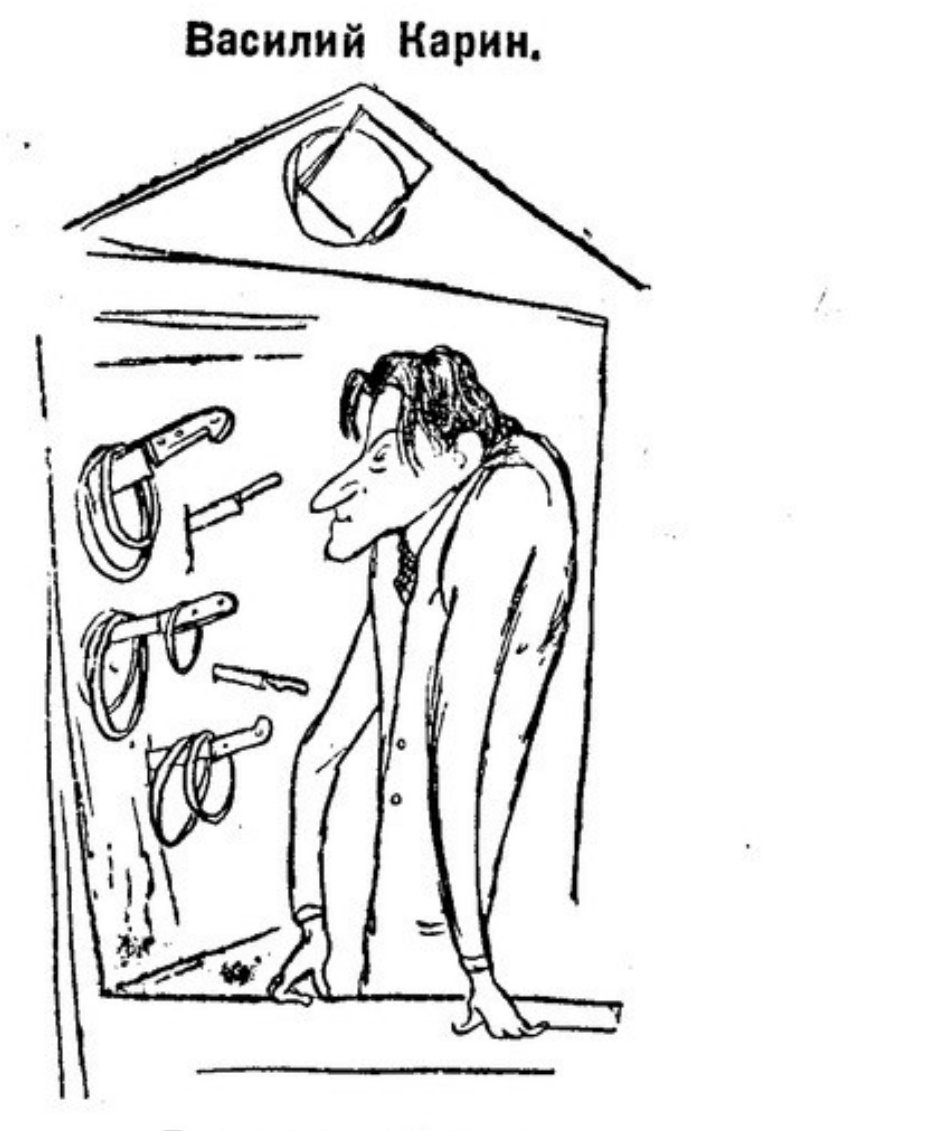
Раздел девятый (И, К)

От Инбер до Катаева


Вера Инбер.


Василий Карин.


Анна Караваева.

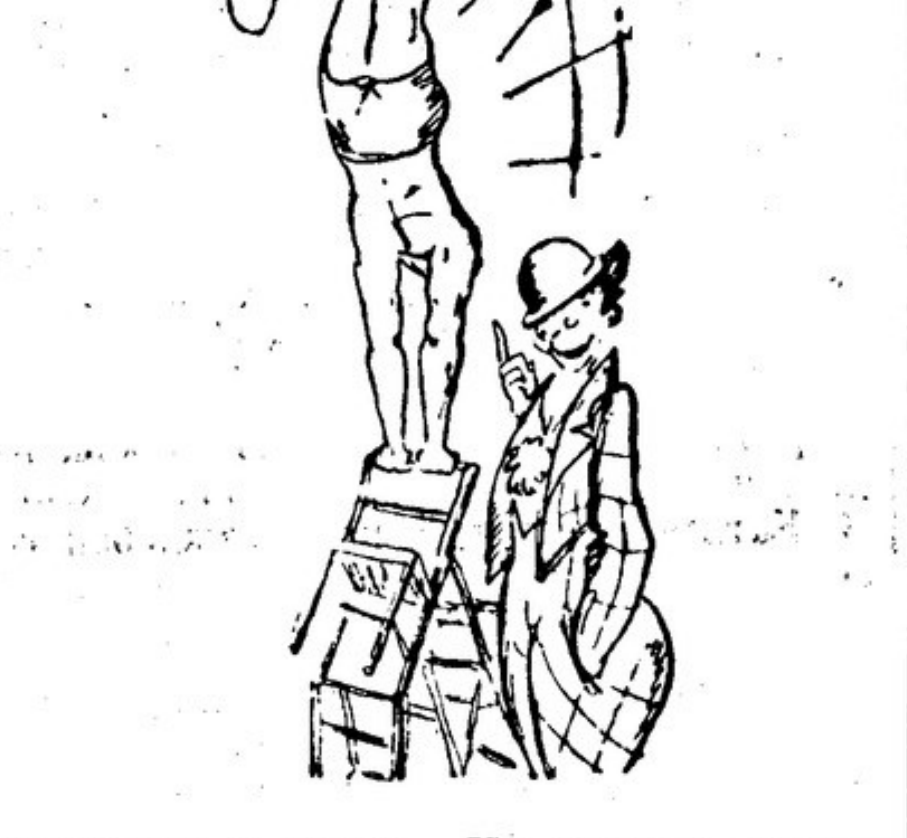

Валентин Катаев.

ТЕАТР—МУЗЫКА—КИНО

ЦИРК ДРЕВНОСТЕЙ

Цирк Шапито — цирк странствий. Это та шапка из брезента, которая должна покрывать собою любую поляну, любую городскую площадь. Шапито может быть разобран весь, до основания, — разборны здесь ложи, галерка, конюшни. Теоретически Шапито предназначен для путешествий по степям, по горам и поселкам.

Тем не менее цирк Шапито, работающий в парке Культуры и Отдыха, не двигается с места. И хорошо делает. Спору нет, **теоретически** Шапито, — цирк массовый, народный, передвижной. Но та программа, которая ныне составляет его репертуар, ни в коем случае не может быть названа не только массовой, народной, современной, но даже элементарно-технической.



Действительно, вот программа:

Васильямс — жокей, работающий вовсе по-любительски. **Данкова**, демонстрирующая дрессированных собак; собаки качаются на качелях, скачут через кадушки и проделывают все это с огромным напряжением, с непрестанными ошибками. Группа партерных акробатов **Готхардс**, исполняющая свои номера с большой неточностью. **Гуго Труцци**, показывающий дрессированных лошадей, никак ему непослушных. **Якобино и Виктор** — клоуны, в выступлении которых интересен лишь трюк со стихийно танцующей в закрытой банке ложкой, в то время как все остальное в работе этой пары — пример клоунадных измышлений, возникших ни как не позднее commedia del'arte. И, наконец, **Цаппи** — вариация силовой гимнастики, проделываемая к тому же в нестерпимой декоративной обстановке: туники и копья гладиаторов, синий и розовый свет.

Все вместе взятое оставляет впечатление технической слабости и отсутствия элементарной цирковой фантазии. Виной тому — общая техническая и идеологическая отсталость, которая характеризует, к сожалению, работу советского циркача.

Прежде всего, об оформлении русского циркового номера. Оформление это начинается издалека. Выходя на арену, русский циркач полагает долгом заменить свою тихую, спокойную фамилию: Петров, Степанов, Фомин на громадную: Рохдас Зуаонио, Давль-Итворлэ.

Кличка обязывает. Притворившись иностранцем, Степанов начинает выкрикивать непонятные слова, картавить, говорить ломаным языком. Он начинает выделывать какие-то невероятные па, полагая, что кланяется по-иностранному. Он орет зычным голосом: «Voilá», при всяком случае. Вообразив себя европейским бонвиваном, он окружает свой номер жестикуляцией и мимикой паралитика, подагрика, благородной девицы.

Вся эта иностранщина должна быть отброшена. Советский цирк может стать массовым, народным зрелищем лишь тогда, когда циркач заговорит хорошим бытовым языком, приспособит свою жестикуляцию к требованиям быта и жанра, перестанет притворяться иностранцем — безразлично, будь-то на трапеции, на песке арены, или на лошади.

Теперь о самой сущности циркового русского номера. Трудно представить себе более реакционную ремесленную традицию, чем традиция нашего циркача! Номер жонглера, номер наездника, номер эквилибриста включает в себе все те неизменные и строго определенные упражнения, из которых номер этот состоял 30, 50, 100 лет назад. Зритель видит гимнастическое или акробатическое «антрэ», поданное в оформлении, в ритме, в движениях 20-х годов прошлого века. Движения эти рыхлы, балетны, ампирны. Оформление это: лошадь с боскетом на голове, балетные пачки, колпаки, пощечины.

Цирк становится какой-то архаикой, каким-то музеем — явление в корне враждебное идее массового народного зрелища.

Только серьезной ломкой всех цирковых традиций, ломкой, включающей в себе коренное изменение жеста, ритма, острот, всего оформления — можно добиться организации массового, советского и современного циркового зрелища.

Из всей программы цирка Шапито можно отметить лишь 100 сальто Эвальд-Эльворти, японок-канатоходцев и прекрасно, в новом стиле, с исключительной точностью проведенный «индейский акт» американцев Дакотас.

Е. Габрилович

ТЕАТР НА УКРАИНЕ

Что готовит «Березиль»

«Березиль»—показательный украинский театр, определивший в большой степени художественное лицо всей театральной Украины. В будущем сезоне «Березиль» предполагает помимо постановок классиков, которые переносятся лишь на утренние спектакли, поставить также обозрение—«Алло, на волне 477». Проблема национальных взаимоотношений на Украине будет посвящена пьеса «Мина Мазайло». Среди новых постановок следует отметить пьесу Кулиша «Дом № 13». Драматурги Днепровский и Сименко по заказу театра готовят пьесы, посвященные проблеме «Рабочие на производстве». Украинский драматург Цимбал сдал театру пьесу «Завет пана Ралка». Писатель Ерошенко заканчивает для театра новую драму «Дон-Кихоты».

КОНКУРСЫ НА ПЬЕСЫ И ОПЕРЫ

Государственный Оперный Театр им. Станиславского, имея в виду пополнить свой репертуар новыми советскими операми отражающими социальные явления нашей действительности, наметил устройство широкого конкурса среди советских композиторов. Вопрос о таком конкурсе будет решен на-днях, по ходатайству театра, в Главискусстве.

Театр Революции об'явил уже конкурс на пьесу, которая на материале соц.-соревнования железных дорог и водного транспорта пропагандировала бы государственные займы. Срок представления такой пьесы—15 августа. Премия за лучшую пьесу—1.500 рублей.

ХРОНИКА ТЕАТРА

Государственный театр им. Вс. Мейерхольда выехал 15 июля в гастрольную поездку по СССР. Во время этой поездки театр предполагает впервые показать в Харькове — «Командарм 2» И. Сельвинского.

◆ Сбор труппы Московского Малого Театра назначен на 27 августа. Зимний сезон откроется 1 сентября.

КАКИЕ НОВЫЕ ФИЛЬМЫ НАМ ПОКАЖУТ

Совкино закупило за границей и покажет в ближайшие месяцы следующие фильмы: **«Старые богатыри»** — производство Парамонт, в постановке режиссера Джемса Крюзе; в картине участвуют Ноа Бири и Банкрофт; **«Доки Нью-Йорка»** — картина производства Парамонт, с участием артиста Банкрофта; **«Человек, который смеется»** — американская фильма Универса, с участием Конрад Вейта и Баклановой; **«Чикаго»** — американская фильма Пе-Де-Це, с участием Филис Говер, Варкони и др.; **«Деловой человек»** — картина германского производства (репертуара театра «Корш» и театра им. Завадского, где эта пьеса идет под названием «Компас») и культур-фильма **«Моанна»** — производство Парамонт.

НАШ КИНО-ЭКСПОРТ

Совкино продало за границу следующие кино-картины: в Чехо-Словакию — картину «Аня», в Германию — картину «Россия Николая II и Лев Толстой», в Болгарию — «Бабы рязанские», «Два друга, модель и подруга», в Португалию — «Союз великого дела» и «Капитанская дочка».

СОФИЛ В БУДУШЕМ СЕЗОНЕ

Музыкальный Отдел Главискусства утвердил производственный план Софила на 1929—30 г.

Софил созвал методическое совещание с участием представителей рабочих клубов, на котором была обсуждена программа концертной деятельности Софила.

Софил наметил провести в будущем сезоне до **3.000** рабочих концертов. В Иваново-Вознесенске намечено провести до 150 концертов. В Ленинграде, в будущем сезоне предусмотрено устройство 700 концертов, из них 600 — для рабочих. Софил связался с целым рядом филармоний: Воронежской, Иваново-Вознесенской, Астраханской и др. по вопросу планового проведения симфонических концертов.

В Москве Софил выпустит в августе два общедоступных абонемента на воскресные утренние концерты. Концерты будут носить просветительный характер и состоять из двух циклов — русской и иностранной музыки. Каждый цикл будет заключать 12 концертов. Концертам будет предшествовать вступительное слово членов лекторской группы Софила: проф. Браудо, Чемоданова, Богуславского, Либединского и др. Гасценки на абонементы снижены — от 20 к. до 1 р. 60 к. за концерт. В первую очередь абонементы будут распространяться по предприятиям через фабзавкомы.

Софил выпустит также один абонемент на симфонические концерты повышенного типа. В концертах примут участие иностранные дирижеры: Ансермэ и Батон (Париж), Савич (Нью-Иорк), а также В. Сук, Н. Голованов, композитор Глазунов и др.

В Большом зале Консерватории Софил впервые проведет цикл детских симфонических концертов.

В Малом зале Консерватории намечен цикл этнографических концертов. В зале Моцарта — ряд концертов молодых дарований и цикл вечеров художественного чтения, муз. ансамблей и т. д.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ НОВОСТИ

В связи со столетним юбилеем со дня рождения композитора Рубинштейна, Софил предполагает организовать во второй половине зимнего сезона **всесоюзный конкурс пианистов** и соответствующий концерт.

◆ Осенью, в связи с приездом Термена из Германии, в Большом зале Консерватории будет организован вечер демонстрации ряда новых музыкальных инструментов.

◆ В будущем сезоне намечено устройство в Москве одного симфонического концерта из произведений американских авторов.

НОВЫЕ ОПЕРЫ В I и II ГОТОБ

В будущем сезоне в I и II Государственных театрах Оперы и Балета будет показан ряд новых опер, разрешенных к постановке Главискусством: «Юдифь» А. Серова, «Алмаст» — Спендиарова, «Новости дня» — Хиндемита, «Загмук» — А. Крейна, «Гибель богов» —Вагнера и балет «Футболист» — Оранского.

„ЗЛИВА“ ВУФКУ

В центре внимания украинской кинообщественности — новая фильма, выпущенная ВУФКУ — **«Злива» («Ливень»).** Режисер Довженко (автор «Арсенала» и «Звенигоры») с его смелыми экспериментаторскими опытами, оказал влияние на эту работу режиссера Кавалеридзе.

По общему мнению литературных и кинематографических работников, давших свою оценку фильме на ряде общественных просмотров, «Злива» перегружена «трюками ради трюков», насыщена глубоко-реакционным символизмом, чуждым пролетарскому зрителю. Рабочие, которым показывали фильму, признали ее чрезвычайно путаной, непонятной, чуждой пролетариату.

НОВЫЕ ФИЛЬМЫ ГОСКИНПРОМА

Госкинпромгрузии производит в настоящее время зас'емку ряда новых культфильм, в их числе: **«Свансоль»** — фильма-иллюстрация к социалистической пятилетке, **«На зов земли»** — о соревновании колхозов и походе комсомола за урожай. Начата также с'емка большой культфильмы «Курорты Грузии», которая должна показать на экране быт санаторий, пути организации горных курортов, лечебные свойства источников и социальное значение горных рабочих здравниц.

ПИСАТЕЛИ И 3-й ЗАЕМ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

ПЕРВЫЙ ВКЛАД, ПЕРВЫЙ ВЫЗОВ

Развертывающееся строительство Союза ССР — проходит при небывалом под'еме энтузиазма трудящихся. Третий заем индустриализации даст нам возможность форсировать первые шаги пятилетки. Миллиард, вложенный в хозяйство страны руками пролетариата, даст лишний заряд социалистическому соревнованию, охватившему весь Союз.

Подписываясь досрочно на 300 руб, вызываем всех товарищей, входящих в литорганизации, об'единенные Федерацией Советских Писателей.

Л. О. Осипов, Ан. Пестюхин.

Подписка принимается в ФОСП тт. Осиповым и Пестюхиным.

ПОДПИСКА НА ЗАЕМ НАЧАЛАСЬ

ПОДПИСКА НА 3-Й ЗАЕМ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СРЕДИ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ РАЗВЕРНУЛАСЬ ЕЩЕ ДО ОПУБЛИКОВАНИЯ ВЫЗОВА В ПЕЧАТИ. НА ПРИЗЫВ ТТ. ОСИПОВА И ПЕСТЮХИНА ОТКЛИКНУЛИСЬ СЛЕДУЮЩИЕ ПИСАТЕЛИ И РАБОТНИКИ ФОСП: ТТ. УФЛЯНД, ФИЛИМОНОВ, АФРОМЕЕВ, ШВЕДОВ, ЛАРИНА, КРУТИКОВ, БЛАГОЙ, ТЕРЯЕВА, РОГИ, М. СМИРНОВ, СВИРСКИЙ, ШУШКАНОВ И ВАРМУЖ. ОБЩАЯ СУММА ПОДПИСКИ НА 18 ИЮЛЯ С. Г. СОСТАВЛЯЕТ 2.025 РУБ.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В. В. МАЯКОВСКОМУ

Владимир Владимирович!

С тех пор, как я выступал с вами и Северяниным в первом турнэ футуристов, и с тех пор, как Вольф выпустил мою книжку «Лирический поток», вы знаете, что мое скромное имя все-таки до некоторой степени известно; вам также известно напечатанное и неоднократно цитированное критиками мое шуточное двустишие:

Вадим Баян
От счастья пьян;

вы знаете, что при политическом управлении Реввоенсовета Черноморского флота я заведывал литературной студией, через которую прошло много пишущей молодежи; вам известно, что, по предложению органов ЦК комсомола, мною сделаны для деревенской молодежи образец красной свадьбы и целый ряд хороводных игр с танцами и гармониями неоднократно изданные «Молодой Гвардией» в виде отдельной книжки «Кумачевые гулянки»; наконец, знаете, что я, по мере сил, выполняю массовую работу, давая в клубы и культотделы профсоюзов эстрадный материал, а потому прошу вас, ответить мне на страницах этой газеты, чем об'яснить появление в вашей пьесе «Клоп» поэта **Баяна,** который в обществе мещан импровизирует двустишие:

Олег Баян
От счастья пьян,

который устраивает Присыпкину мещанскую **«красную» свадьбу и обучает молодежь стихи писать и танцовать под многочисленные гармонии** и вообще выступает в роли **воспитателя молодежи,** только дурного и разлагающего.

Наличие слишком откровенных параллелей и других «признаков», адресованных к моей биографии, позволяет надеяться на столь же откровенный ответ. Если я не ошибаюсь в том, что ваш прицел был взят в мою сторону, то прошу для об'яснения этого «жеста» изложить причины, уважительные **с точки зрения советской общественности,** а не с вашей индивидуальной, при чем прошу принять во внимание, что директивы, по которым я работаю для массы, даются органами **не разлагающими,** а, наоборот, **организующими и руководящими.**

Ваше молчание, чем бы вы его ни прикрывали — старомодным высокомерием или нынешним чванством — буду считать как невозможность ответить и буду удовлетворен тем конфузом, в который вас ставит ваш неудавшийся «тур де тэт».

Вадим Баян.

ОТВЕТ В. МАЯКОВСКОГО

Вадим Баян!

Сочувствую вашему горю.

Огорчен сам.

О чванстве не может быть и речи.

Об'ясняю:

1) Каждый персонаж пьесы чем-нибудь, на кого-нибудь, обязан быть похожим. Возражать надо только на несоответствие, на похожесть обижаться не следует. В телефонной книжке на 1929 год имеются два Засыпкина, однако, на «Присыпкина» в моей пьесе они пока не возражали.

2) Многолетнее знакомство с критикой ни разу не бросило мне в глаза двустишия:

Вадим Баян
от счастья пьян.

3) 17 лет тому назад, организуя, главным образом, для саморекламы, чтение стихов Северянина (с которым неожиданно для вас приехал и я), вы отрекомендовались — Сидоровым, по стихам— Баяном; на вопрос о причинах такой тенденциозной замены — сообщили:

«К Сидорову рифму не подберешь, а к Баяну сколько-угодно, — например, находясь в гостях у Тэффи, я сразу писнул в альбом:

Вадим Баян
от Тэффи пьян».

Я вас успокоил насчет Сидорова, немедля предложив рифму:

Господин Сидоров,
Тэффи не носи даров.

Очевидно моим предложением об облегчении ваших рифменных неудач вы не воспользовались и специализировались в дальнейшем в качестве Баяна, — но эта деятельность мне, к сожалению, совершенно не была известна.

4) Охотно верю, что ваша дальнейшая литературная работа нужна и полезна советской общественности и чисто формальное сходство с антипатичным персонажем пьесы вас расстраивает; тогда легко переделать малозначущие строки, и я переиначу фамилию герою, например:

Гусляр Вадим
упился в дым

или

Пьян Борис
до положения риз,

или

Викентий Горов
пьян, как боров.

Могу переделать даже пол, например:

Петрова Настасья
пьяна от счастья.

5) Но —

Вы указываете сходство других «откровенных параллелей» и «признаков». Тогда обстрел этих признаков сходства с антипатичным, но типичным персонажем становится уже «уважительным» с «точки зрения советской общественности», и если это так, то я оставлю моего «героя» в покое и придется переменить фамилию вам.

Вл. Маяковский.

ПО ПОДМОСКОВНЫМ МУЗЕЯМ

Около года назад, при **«Музее-усадьбе Абрамцево»** были открыты библиотека-читальня и комната-аудитория, в настоящее время обслуживающие население окрестных деревень. Музей стал культурным центром пустынного округа, население охотно восприняло эту форму культурно-просветительной работы: на чтениях присутствует не менее 200 человек. Это — большой процент посещаемости для такого мало населенного места. Вокруг музея возникло «Общество друзей музея», состоящее почти исключительно из крестьянской молодежи.

В самом музее-усадьбе произведена реставрация домика Виктора Васнецова, вновь преобразована комната Н. В. Гоголя, где он писал вторую часть «Мертвых душ».

◆ **В Муранове,** в музее им. Тютчева, в настоящее время открыта пушкинская выставка. Среди уникальных предметов, находящихся на выставке, выставлены подлинные вещи А. С. Пушкина: перстень, печать, пресс-папье поэта и др.

В издании музея имени поэта Ф. И. Тютчева выходит второй выпуск «Мурановского сборника».

◆ **«Музей-усадьба Архангельское»** восстановлен по описи 30-х г.г. прошлого столетия. Юсуповская коллекция в значительной части перевезена из Ленинграда в Архангельское.

В настоящее время там же открыта выставка книги 1553—1810 г.г.

РАБОТЫ СОВЕТСКИХ КУСТАРЕЙ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Кустэкспорт устраивает текущей осенью выставку-базар кустарных изделий в Нью-Иорке. Заготовляются большие коллекции экспортного товара, который вызвал большой интерес на последней художественно-кустарной выставке в Америке.

Предполагается участие советской кустарной промышленности на международных выставках в Вене, Праге, Страсбурге, Париже, Лейпциге и в Эстонии в сентябре-октябре этого года.

На Восток (в Мессопотамию, Египет, Турцию, Палестину) также отправляются коллекции наших художественно-кустарных изделий.

ЧЕХОВ НА ЭКРАНЕ

(Из бесед с авторами фильмы).

Задачей «Чеховского Альманаха», выпускаемого «Межрабпом - фильм» к 25-летию со дня смерти писателя, было — найти в творчестве Чехова те социально-бытовые черты, которые не утратили своей остроты и в нашей советской действительности.

Руководствуясь этими соображениями, авторы фильмы взяли 4 небольших рассказа: «Хамелеон», «Толстый и тонкий», «Анна на шее» и «Смерть чиновника».

Маленькие новеллы Чехова по своему сгущенному содержанию более кинематографичны, чем такие вещи, как «Три года», «Дуэль» и др., хотя их особенную форму анекдота и пародии гротеска и юмореска и трудно сохранить в инсценировке.

Формальный подход был довольно широк, так, например, «Анна на шее» велась в условно театральных тонах. В сцене провинциального благотворительного бала оформление художника Егорова — явный гротеск. Избушки, где продают шампанское «в пользу бедных» петухи, чудовищный самовар—все это пародирует «стиль рюсе» заостряет иронию Чехова.

Есть некоторое сгущение красок и в «Смерти чиновника».

Смешной анекдот о чиновнике, который, чихнув на генерала, умер от огорчения и страха, дается в почти трагических тонах.

Забавно, что одной из существующих трудностей постановки было восстановление стиля конца 80-х годов, в костюмах, гриме и подробностях обстановки. Что вовсе не так просто,—сейчас легче достать подлинные вещи XVIII века, чем сыскать в Москве настоящую серую студенческую тужурку.

Такова идеологическая и формальная установка «Альманаха», сделанного под общей редакцией **Ю. Соболева** режиссером **Я. А. Протазановым.** Насколько удачно кинематографическое оформление и **нужно ли вообще** инсценировать Чехова, мы увидим после того, как фильма, кстати, по правилам юбилейных запаздываний еще не законченная, появится на экране.

Т. Сумароков.

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПИСАТЕЛИ

Э. Багрицкий готовит к печати для Госиздата с украинского — стихи Мыколы Бажана, с белорусского — стихи Янки Купала, с еврейского — стихи Переца Маркиша.

◆ **Владимир Луговской** приготовил к печати 3-ю книгу стихотворений «Страдания моих друзей», работает над рядом очерков о социалистическом соревновании на Урале и заканчивает поэму в стихах «Сибирь».

◆ **Илья Сельвинский** работает над новой комедией из современного быта.

◆ **А. И. Свирский** на-днях закончил первый том «Истории моей жизни» (детство) который будет печататься в ЗИФ'е. В настоящее время пишет по заказу «Совкино» сценарий «Наше счастье».

◆ В ЗИФ'е осенью выходит книга **Льва Жданова** — историческая повесть «Во власти золота» (Ленский расстрел), второе, дополненное издание.

◆ Недавно законченная повесть **С. Д. Мстиславского** «Без себя» выйдет в сентябре в издательстве «Земля и фабрика» отдельной книгой.

◆ Госиздат выпускает массовым тиражем сборник новых стихов **Александра Жарова** на тему о социалистическом соревновании; там же выходит отдельным иллюстрированным изданием его поэма «Сентиментальный друг».

ЧТО ПИШУТ ДРАМАТУРГИ

Дм. Щеглов, автор «Пурги» и «Норд-Оста», сдал Студии Малого Театра новую свою пьесу **«Переплав».** Написана она в экспрессионистической манере. Но в то же время Дм. Щеглов, много работавший для самодеятельного театра, использовал в своей пьесе элементы и приемы клубного спектакля.— Ее «героем», борющимся, почти погибающим, но все же побеждающим, является — по замыслу драматурга—рационализация производства. — Сюжетная интрига развертывается вокруг изобретенного рабочим автомата.

◆ **Н. А. Крашенинников** закончил пьесу из современной жизни — **«Вася».** Написана она по роману А. Н. Коллонтай «Василиса Колычева». В центре пьесы— молодая работница-вязальщица.

◆ **Б. Леонидов,** автор многих киносценариев («Бухта смерти», «Еврейское счастье», «Катерина Измайлова», «Дом в сугробах», «Парижский сапожник» и др.) написал для театра комедию **«Зеленый заяц».** Пьеса пойдет в текущем сезоне в ряде крупных провинциальных театров, а с будущего сезона — в Москве.

Основная тема комедии — куда девается отовсюду вытесненный и казалось бы «ликвидированный» нэпман, и как ведется с ним борьба.

Параллельно трактуется тема семейно-бытовых отношений интеллигента-партийца и работницы с производства. В построении комедии автор использовал некоторые приемы сюжето-сложения в кино.

КНИГИ и ЛЮДИ

Ценное пособие

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КРИТИКИ. Под ред. А. В. Луначарского и Вал. Полянского. Том I. ГИЗ М. Л. 1929. Тир. 8.000. Стр. 332. Ц. 3 р.

Книга эта может оказаться высоко ценной для читателей самых различных категорий, в том числе — и особенно — для наших молодых лит.-худ. критиков-практиков, ибо в настоящее время повышенных требований к качеству критической продукции каждому современному критику-практику необходимо обладать превосходным знанием, в числе прочего, и истории той отрасли литературы, в области которой он работает. Полезна эта книга и в том отношении, что она великолепно выявляет ту огромную социальную роль критики, которую последняя играла в русском литературном движении 18—19 в.в.; для литераторов, склонных умалять значение критики (а такие, к сожалению, у нас еще кое-где имеются), ознакомиться с «Очерками» будет весьма и весьма поучительно.

«Очерки» дают обширную и целостную картину литературной жизни 18—19 в.в. (до 60 г.г.), на фоне которой рельефно обрисовываются отдельные фигуры наиболее выдающихся литературных критиков этого периода: первые зачинатели русской критики — от Ломоносова до Мерзлякова, затем — Полевой, Надеждин, Белинский, В. Майков, эстеты 50 г.г. и Ап. Григорьев.

Авторам «очерков» приходилось не только систематизировать и уточнять уже в значительной степени исследованный материал (как, напр., по Белинскому, литературно-критический облик которого чрезвычайно выпукло обрисован в статье Вал. Полянского), но и наново исследовать еще сырой материал, совершенно не тронутый до сих пор марксистским анализом (критики 18 в., Полевой, Ап. Григорьев и др.). Это последнее обстоятельство придает «Очеркам» первостепенную научно-исследовательскую значимость.

В живом и ярком изложении А. Луначарского, как бы совершенно наново рождаются перед читателем полузабытые фигуры первых русских критиков. Автор вскрывает социальную основу литературного движения 18 в., показывает борьбу прогрессивных и реакционных элементов в критике того времени, дает свежие социальные определения отдельных критиков, могущие послужить отличным фундаментом для дальнейших монографических изучений. Так, напр., Ломоносов и Третьяковский квалифицируются как выразители прогрессивных буржуазных слоев, Сумароков — как выразитель взглядов вельможного дворянства, зараженного буржуазным духом; Крылов — как отобразитель психоидеологии домовитой, деловой патриархальной буржуазии, в основе оппозиционной вельможно-дворянскому правительству и т. д. Автор дает социалистический анализ не только первостепенных писателей, но не забывает и рядовых, напр., Лукина, выразителя — по Луначарскому — народнических тенденций молодого буржуазного либерализма.

Отмечая **историко**-социальное значение первых русских критиков, А. В. Луначарский одновременно вскрывает и те «здоровые, плодотворные мысли» в первоначальной русской критике, которые не утратили некоторой своей непосредственной литературно-критической свежести и интереса и доселе. Путем остроумных и тонких сопоставлений критических высказываний того времени с нашей современностью, автор чрезвычайно оживляет облики этих, как-будто умерших для нас писателей. Сопоставляя, например, поэтику «трагического критика классицизма» Мерзлякова с поэтикой «Дела» Сухово-Кобылина, тов. Луначарский делает для нас эстетические воззрения «Мерзлякова» весьма наглядными, удобовоспринимаемыми и не лишенными известного литературного интереса.

Особо ценной надо признать статью В. М. Фриче об Ап. Григорьеве. Последний — один из видных критиков 19 ст., его имя нередко вспоминают и поныне. Облик этого критика, однако, никем из писавших о нем (Сакулин, Л. Гроссман и др.) не был исследован социологически. Этот научный пробел и восполняет статья Фриче. Отмежевываясь от дворянских критиков-эстетов и сторонясь в то же время реалистического направления Добролюбова и Чернышевского, Григорьев выставлял свою особую теорию «народности», «органическую» критику — с культом Островского в первую очередь. В переводе на язык социологии, как это верно показывает анализ Фриче, критическая теория Г. является выражением психологии русской торговой буржуазии середины 19 ст., патриархальных мещанско-купеческих слоев, стоящих между уходившим с исторической арены барством и восходившей разночинной интеллигенцией. Статья Фриче наглядно показывает, что даже такие на первый взгляд весьма отрешенные от земли идеалисты, как Григорьев, являлись не чем иным, как лишь только «агитаторами» (выражение из ст. Луначарского) своего класса.

Четкий социалистический анализ критиков-эстетов 50 г.г. (Анненкова, Дружинина, Дудышкина) дает ст. Н. Ф. Бельчикова, интерпретирующая последних, как представителей дворянской интеллигенции эпохи начинавшегося в 50 г. г. упадка барства.

Статьи П. С. Когана (о Полевом и Надеждине), в отличие от разобранных, отличаются меньшей социалистической четкостью. Давая в целом правильное истолкование вышеназванных критиков, как критиков-разночинцев, предшественников Белинского, автор, однако, воздерживается от **детальной** социологической интерпретации всех **отдельных особенностей** таковых. Если еще по отношению к Полевому автор пытается дать — хотя и довольно бегло — уточненную социологическую характеристику, то в отношении Надеждина автор избегает такого социалистически-детального анализа. Верно отмечая наличие в критике Н. элементов реализма, утилитаризма, П. С. Коган не об'ясняет таковое социологически-четко, не связывает Н. с какой-либо **определенной** социальной группой разночинства, ограничиваясь лишь только такими **общими** определениями Н. как: интеллигент-разночинец (172), руководитель идеалистической молодежи 30 г. г. (183) и т. п. Размышления Когана о влиянии Н. на Белинского, выдержанные в манере биографического метода старой историографии, не актуальны.

Выхода в свет второго тома «Очерков» будем ждать с нетерпением.

Арк. Глаголев.

Налог на эклектизм

В. Всеволодский (Гернгросс). История русского театра. Тт. 1 и 2. 1929 г. Л.— М. «Теа-кино-печать», Стр. 1084. Ц. 12 р.

Почти одновременно с книгой Эм. Бескина того же названия появился первый том «Истории русского театра» В. Всеволодского (Гернгросса), а недавно вышел и второй.

Внимательное ознакомление с обоими томами приводит к основному выводу, что перед нами многолетний труд, кропотливый и бесспорно добросовестный, при этом — труд самостоятельный, базирующийся, главным образом, на собственных исследованиях. У Всеволодского собрано огромное количество интереснейшего материала, сплошь и рядом мало известного, подчас по новому освещенного. Но уже А. В. Луначарский вынужден в предисловии заявить:

«Мы можем сделать не мало критических замечаний относительно тех или других утверждений автора». И действительно, утверждения тов. Всеволодского во многом настолько спорны, а порою и так неверны, что поневоле берет сомнение, имеем ли мы право, хоть и весьма ценную и значительную, его работу называть марксистской.

Трудно, например, согласиться со следующим: «Театр, как мы обычно его понимаем, развился особенно интенсивно в эпоху капиталистическую, **отсюда и наука о театре,** также зародившаяся и росшая в дни расцвета и кризиса буржуазной культуры, **под театром разумела театр преимущественно буржуазный** (курсив всюду наш.—И. Т.). Дальше следует указание на то, что «театру отводилось скромное место досужего развлечения» и, «как разновидность досужего развлечения, театр не обращал на себя серьезного внимания вообще и научной мысли в частности».

Мы все хорошо знаем, что театр не раз высоко восходил и в докапиталистическую эру и что наука отнюдь не мало занималась театром некапиталистических эпох. И в древности, и в средние века известно много случаев использования театра, как орудия политического воздействия, религиозной пропаганды и пр.,а не только как «досужего развлечения». Неверная предпосылка рождает ложные выводы: особое положение театроведения, надо полагать, об'ясняется совсем другим. Капиталистическая Германия, да и Америка, имеют достаточно высокую постановку научной разработки вопросов театра, что, впрочем, несколькими строками ниже, констатирует и сам тов. Всеволодский.

В работе тов. Всеволодского нет раскрытия природы театра и его специфики, зато есть такая абсолютно недопустимая вульгаризация марксизма: **«театр,** как искусство коллективное, требующее участия в нем многих лиц, в формах организации их творческого труда **находится в непосредственной (!) связи с формами организации труда вообще при той или иной системе хозяйства** (стр. 39).

Тов. Всеволодский идеалистически отделяет форму от содержания: «каждой классовой группе отвечают формы художественной выразительности вообще и в театре в частности. Соответственно этапам развития каждой из них, развиваются и эти художественные формы; отсюда моменты их зарождения, расцвета и упадка» (стр. 46).

Автор очень часто сам же противоречит своим тезисам, устанавливаемым в философской части работы. Так, например, в главе «Развитие буржуазного театра» (том II) он справедливо указывает, что «лозунг дидактического театра», принесенный буржуазией, «ярко отражался на характере построения новой пьесы. Это все были морализующие, поучающие выкладки и трактаты о благонравии в драматической форме; но **наряду с этим буржуазная публика стремилась и к театру-развлечению»** (стр. 24). В первом томе буржуазный театр сплошь развлекателен, а здесь развлечение фигурирует уже только на ряду с динамикой. Выходит, по Всеволодскому, что, то театр развивается «на основании своих индивидуальных законов, а то (когда об'ясняются две формы актерской игры: «нутром», и рассудочно) «мы считаем правильным усматривать здесь не только свойство актерского дарования, сколько прием творчества—прием, который определяется все теми же социально-экономическими условиями» (стр. 55, том II). Уж что-нибудь одно: или «индивидуальные законы» искусства, или социально-экономические условия»...

Эта путаница, этот невыносимый эклектизм, которого много, слишком много, в обоих томах, приводят автора к совсем курьезному выводу, что русский театр обязан своим обновлением взаимным усилиям буржуазно-любительского театра и театральной школы. Эти «два общественные явления» возникли во второй половине XIX столетия, «к этому времени созрели и принесли плоды; с этого и начинается новая эпоха в жизни русского театра» (стр. 223, том II,—в главе о психологическом натуралистическом театре).

Вот это неумение отличать производные явления от основного фактора, следствие—от причины, чрезвычайно портит работу тов. Всеволодского, мешает ему правильно, социологически обосновать такие моменты, как падение принципа трех единств, переход от классицизма к реализму, перерождение натурализма в психологизм и многое другое.

Неудача тов. Всеволодского есть неизбежный налог эклектизм.

И. Туркельтауб.

Спорная, но нужная книга

В. ПЕРЦОВ. Литература завтрашнего дня. «Федерация». М. 1929 г. Стр. 175. Тир. 3.000. Цена 1 р. 75 коп.

Книга Перцова — живая, острая книга.

Как всякое живое явление, она противоречива и местами вызывает возражения. Особенно в отношении первой — утверждающей, позитивной—части, посвященной «Литературе завтрашнего дня».

Здесь Перцов повторяет старую ошибку, предлагая замещение вещей с разными функциями. Он прав, утверждая, что художественные формы сегодняшнего дня должны умереть, и не прав, утверждая, что они заменятся внеэстетическими формами. Дело в том, что предлагаемый им жанр будущего — производственная характеристика, производственный портрет, войдя в эстетическую систему литературы, по необходимости должен будет эстетизироваться и тем самым лишится своего утилитарного значения или ,если стать на крайнюю точку зрения, отрицающую эстетику в будущем, он вообще, как литературный жанр, будет не нужен, так как производственная характеристика будет исполнять только утилитарную, а не эстетическую функцию, и даваться она будет не литератором, а специалистом-производственником.

Серьезные сомнения вызывают и попытки определить некролог как литературный жанр. Понятие «литературы» весьма неустойчиво,—оно изменяется. То, что вчера еще считалось входящим в литературу, сегодня может оказаться вне ее. Возможно, что для сегодняшнего дня понятие литературы расширилось и некролог входит в ее систему. Но для того, чтобы доказать это, необходимо проанализировать, что нужно понимать сегодня под «литературой» тех или иных речевых конструкций.

Гораздо острее позитивной части книги ее полемическая часть. Из статей здесь особенно выгодно выделяются «О литературном наследовании», «Толстый журнал» и «Какая была погода в эпоху гражданской войны?»

Первая статья трактует вопрос о диалектике социальной функции литературного произведения и своим полемическим острием направлена против антидиалектичности и асоциальности лозунга учебы (а не изучения) у классиков.

Статья о толстом журнале посвящена злободневному вопросу об изменении конструктивного принципа «толстого журнала». Наш сегодняшний толстый журнал, типа «Красная Новь» или «Новый Мир», существует по инерции, как эпитон «Русского Богатства» или «Мира Божьего».

Литературная и социальная функции старого журнала выдохлись, и поэтому сегодняшний журнал должен не жить «вековыми традициями», а заново перестроиться, взять новую установку.

В остроумной статье «Какая была погода в эпоху гражданской войны?» Перцов анализирует мотивировки пейзажа в современной литературе, и, отмечая их эстетическую традиционность, борется за «оперативную», сюжетную роль пейзажа в литературе.

Очень серьезен и важен поднятый Перцовым вопрос о сосредоточии литературной жизни не вокруг писательских группировок, а вокруг производственных центров, которыми являются газеты журнала издательства (статья «О литературной эволюции»). Повторяю, что вопрос этот очень серьезен, и высказываться о нем в газетной рецензии я не нахожу возможным, тем более, что он, вероятно, еще будет дискутироваться.

«Литература завтрашнего дня» В. Перцова, несмотря на ее некоторые спорные моменты, а может быть и благодаря им, книга нужная литературному сегодня. Издана она хорошо.

Теодор Гриц

Между молотом и наковальней

ПЕТРО ПАНЧ. Голубые эшелоны. — Пер. с украинского Н. А. Хоменко и Н. М. Рудина. Изд. «Федерация», стр. 409, тир. 4.000. Цена 2 р. 30 к.

Выпущенную издательством «Федерация» книжку украинского писателя Петро Панча — «Голубые эшелоны» периодическая печать («Книга и Революция», «Красная Звезда», «Печать и Революция», «Книга и Профсоюзы» «Смена», «Красная Нива») встретила положительной оценкой.

Отсутствие предисловия и дефекты перевода, по отзывам прессы, искупаются удачным со стороны издательства выбором книги, получившей, как известно, на Украинском художественном конгрессе юбилейную октябрьскую премию.

О чем же пишет Петро Панч? В его книжке четыре повести: «С моря», «Без козыря», «Голубые эшелоны», «Повесть наших дней». Эти четыре повести отображают четыре этапа русской революции: восстание броненосца «Потемкин», июньское наступление Керенского, гражданскую войну на Украине и, наконец, строительство периода восстановительного процесса.

Повести статьи—образны и социально насыщены. Название всего сборника по третьей повести оправдывается как большей ее художественной ценностью, так и тем, что в ней и большая социальная насыщенность: «Голубые эшелоны» — печальная повесть третьей в революции силы — мелкой буржуазии, попавшей в огне гражданской войны между молотом и наковальней.

К этой третьей силе примкнули и все остатки деклассированной царской армии. Это — ожившие трупы, которые еще в 905 г. были сброшены восставшими солдатами и моряками с «корабля истории».

Последуем за автором по вагонам эшелона. Вот вагон дипломатической миссии суверенной Украины, ищущей для себя хозяина то в лице Франции, то в лице Америки, но готовой при случае заключить перемирие и с «кровожадными» большевиками, если на то с их стороны последует согласие; вот штабной вагон — здесь «благородное» офицерство беспробудно пьянствует и ждет своей неизбежной гибели: вот, наконец, солдатские теплушки — «сорок человек и восемь лошадей». Здесь мародерствующая и спекулирующая, по примеру офицерства, толпа, долженствующая осуществить «святое дело освобождения матери-Украины».

Две исторически сложившиеся социальные силы, одна из которых, казалось, с 905 г. победила, а через два десятка лет погибла, сойдя с исторической сцены, другая же, ушедшая на «Потемкине» в Румынию, через двадцать лет вернулась на свою родину в качестве неутомимого строителя социализма, — эти две силы стерли между собой, как два жернова, все, что было между ними и против них.

Обо всем этом Панч сумел рассказать читателю в живых и ярких образах.

В. Вебер.

Искусный рассказчик

СЕРГЕЙ МАРКОВ.—Голубая ящерица. — Рассказы. Изд. «Федерация». М. 1929. Стр. 125. Ц. 75 коп. Тир. 4.000.

Сюжетный рисунок Маркова хорошо обдуман, порою смел и интригующ. Резкие повороты в развитии фабулы, неожиданное разрешение трагических положений в комические, раскрытие персонажей в диалоге, без всяких сообщений от автора, уменье передать местный (восточный) колорит, остро и неожиданно сделанные концовки, — все это приемы, которыми Марков искусно пользуется, рассказывая о самых заурядных вещах, в роде похождений предводителя бандитов полковника Роя, расправы с конокрадом или проделок низших представителей администрации.

Образы, особенно в сравнениях, которыми автор широко пользуется, большей частью свежи и самобытны.

Однако, попадаются и крупные недосмотры. Изобилует ими первый рассказ («Голубая ящерица»). Вот несколько примеров:

«Небо качалось и гудело, и края его загибались, как листы выкрашенной жести» (стр. 17). Хоть это восприятие приписывается больному малярией, но даже в таком случае оно неестественно.

«Тонкий, как лист тополя, плевок распластался на песке» (стр. 18). Так ли уж тонок лист тополя, и может ли именно на песке распластаться плевок?!

Есть и чисто стилистические промахи в этом рассказе (и не мало). Фразы, в роде: «Я слышал, что полковник носил английский шлем, снимая его в секунды расстрела пленных» (стр. 7), производят впечатление неуклюжего перевода с иностранного языка. Это тем более досадно, что в остальных рассказах вы не встретите подобной шероховатости.

Ф. Каминский.

От описания к изображению

ФЕДОР КАМАНИН. — «Свадьба моей жены». Изд. Московского Товарищества Писателей. 1929 г. Стр. 152. Ц. 1 р. 50 к.

Федор Каманин не новичок в литературе. Им написана уже не одна книга: «Огненный змей», «Ивановская мельница», «Островок среди озера», ряд детских рассказов и повестей, — и все же он еще не осуществил своих возможностей, он еще находится в периоде становления, он весь в будущем.

Если его повесть «Островок среди озера» и другие произведения отличались фотографизмом, понимаемым нами как подробное натуралистическое описание, то в «Свадьбе моей жены» уже преобладает условно-реалистическое изображение.

Тема рецензируемой повести — разлад между писателем, уходящим из деревни в город, манящий его своей культурой, и его женой, сросшейся с земляным трудом, со всеми бытовыми условиями и привычками деревни. Ф. Каманин достигает художественного синтеза в подаче не только главных персонажей, но и отдельных моментов повествования. Так, в первой части повести, мастерски перемежая думы едущего в вагоне Дмитрия Николаевича с показом пейзажа и жизни всего поезда, автор дает целостный процесс жизни. Но преодолев в основном фотографизм, Ф. Каманин еще находится под властью местного и неряшливо-прозаического языка: «мчится напропалую», «на ихнем», «раздоказывали», «прокрутить любовь», «с копылов долой» и т. д. Все эти и иные того же порядка выражения еще назойливо пестрят на страницах его повести. Проскальзывает у него иногда и своеобразное панибратство с читателем, характерное для его первых произведений.

Главный и положительный герой повести — писатель. Мы не знаем, о чем он пишет, куда ведет своего читателя, но его поведение и высказывания утверждают его мелко-буржуазную, индивидуалистическую, ограниченно-собственническую сущность. Противопоставления этому герою автор не дает.

В наше время может привлекать внимание широкого читателя, может расти беспредельно — писатель, связанный глубочайшими корнями с передовым валом современности, с авангардом класса, социалистически перестраивающим всю действительность, все человеческие отношения, Если этого не поймет, органически не почувствует Ф. Каманин, то его талант завянет, не успев расцвести. Над этим Ф. Каманину стоит задуматься.

А. Ревякин.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

ШАГИНЯН. М. КиК Роман - комплекс. «Прибой». 1929. Стр. 216. Ц. 2 р. 50 к. Тир. 5.000.

Пародийный роман. Рукописи четырех литераторов на тему об исчезновении в Кавказских горах видного советского деятеля.

КОЛОКОЛОВ, Н. Шкура ласковая.—Рассказы. М. «Недра». 1929. Стр. 189. Ц. 1 р. 60 к. Тир. 4.000.

Восемь рассказов. «Галка—ворона»—история любви фабричной работницы к предводителю хулиганствующей молодежи. «Шкура ласковая»—любовная драма молодой девушки в провинциальном городке. «Полчаса холода и тьмы»—переживания профессора, философа-идеалиста во время военного коммунизма и др.

ЯКОВЛЕВ, А. Полное собрание сочинений.—С критико-биографическим очерком. И. Кубикова и портр. автора (при I т.). Т. VI. Человек и пустыня. Роман. Кн. 1. М. и Л. «Земля и фабрика». 1929. Стр. 288. Ц. 2 р. Тир. 7.000.

Яковлев, А. Полное собрание сочинений. Т. VII. Человек и пустыни. Кн. 2. М. и Л. «Земля и фабрика». 1929. Стр. 317, Ц. 2 р. Тир. 7.000.

Роман в четырех частях из жизни старообрядческого приволжского купечества с последних десятилетий прошлого века до эпохи гражданской войны. Центральная фигура романа — Виктор Андронов, сын крупного хлеботорговца. В первой книге — детство и юность Андронова, жизнь в доме отца, годы учения, женитьба, работа в деле отца. Во второй книге—жизнь Андронова в период от русско-японской войны и революции 1905 года до событий 1917 года, участие его в гражданской войне и «погибель».

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В № 29 «Экрана» напечатан мой рассказ «Вечер на Масличной горе». В виду того, что редакция нашла нужным вписать в него ряд весьма неудачных на мой взгляд слов, сообщаю, что таких фраз, в роде: «О-о-о,—протянул неожиданно епископ» — я никогда не писал и писать не буду.

С приветом
С. Гехт.

Перерегистрация ВОКС

ВОКС об'являет перерегистрацию своих членов с 15 июля по 15 октября. Все организации, входящие в ВОКС, должны заявить о своем желании остаться в числе Всесоюзного Общества Культурной Связи с заграницей.

На последнем собрании Обществом принято постановление о том, чтот прием новых членов может производиться помимо организаций в индивидуальном порядке, если отдельные лица, желающие вступить в ВОКС, являются научными или общественными деятелями.

◆ **Дом Льва Толстого** (ул. Льва Толстого, 21) с 12 июля открыт по пятницам в вечерние часы от 2 до 7 час.

Ответственный редактор:
С. И. КАНАТЧИКОВ.
Издатель: АКЦИОНЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО «ОГОНЕК».

ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ КОМПЛЕКТЫ
„БИБЛИОТЕКИ ОГОНЕК“
ЛУЧШИЕ ОБРАЗЦЫ РУССКОЙ И ИНОСТРАННОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ. ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. ПОЭЗИЯ, ПРОЗА, САТИРА И ЮМОР.
Цена комплекта с этажеркой:
В 50 книжек — 6 руб. 50 коп.
„ 100 „ 10 „ — „
„ 150 „ 13 „ — „
„ 200 „ 16 „ — „
„ 300 „ 23 „ — „
„ 400 „ 30 „ — „
БЕСПЛАТНО
к каждому комплекту прилагается специально изготовленная для „БИБЛИОТЕКИ ОГОНЕК“
РАЗДВИЖНАЯ настольная ЭТАЖЕРКА
УСОВЕРШЕНСТВОВАННОГО ОБРАЗЦА
ПЕРЕСЫЛКА ЗА СЧЕТ ИЗДАТЕЛЬСТВА
ЗАКАЗЫ НАПРАВЛ.: МОСКВА, 6, Страстной бульв., 11 АКЦ. ИЗДАТ. О-ВУ „ОГОНЕК“

ГОСИЗДАТ
ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ
журнал политики, культуры, критики и библиографии
КНИГА и РЕВОЛЮЦИЯ
Отв. ред. П. М. Керженцев.
№ 13—14
НОМЕР ПОСВЯЩЕН 15-летию ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ
В номере СТАТЬИ: В. И. Ленин и борьба против войны. ◆ Большевизм в дни империалистической войны. ◆ II Интернационал и война. ◆ Война в цифрах. ◆ Война в документах. ◆ Война в мемуарах. ◆ К годовщине империалистической войны. ◆ Легальная и нелегальная литература германских левых во время империалистической войны и др.
БИБЛИОГРАФИЯ. В номере свыше 100 иллюстраций.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на год—24 №№ 8 руб., на 6 мес.— 4 р. 50 к., на 3 мес.—2 р. 30 к.
Подписка и продажа во всех магазинах Госиздата и киосках.
АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Центр, Ильинка, Новгородская линия, помещ. № 43, тел. № 32-76.

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ
КНИГА ШЕСТАЯ
журнала
ПЕЧАТЬ и РЕВОЛЮЦИЯ
СТАТЬИ: Б. Ольховского, В. Юринец, С. Динамова, П. Новицкого, А. Острецова, И. Нусинова, П. Соболева и А. Михайлова
О попутчиках ◆ О совр. украинской литературе ◆ Об англ. писателе—Джемсе Уэлш ◆ О театр. работе ◆ О музыкальных группировках ◆ О „Науке“ Госуд. академ. худож. наук ◆ О соврем. фабрично-завод. фольклоре и др.
ОТЗЫВЫ О КНИГАХ ● ХРОНИКА
Стр. 128. Ц. 1 р. 25 к.
Подп. ц. на год—12 р., на 6 м. 6 р. 50 к.
Подписка и продажа во всех магазинах ГОСИЗДАТА и киосках.

ГОСИЗДАТ
Вышел из печати журнал теории и истории литературы
ЛИТЕРАТУРА и МАРКСИЗМ
Книга вторая
Содержание: В. Переверзев — Проблемы марксистского литературоведения. А. Цейтлин — Сюжетика антинигилистического романа. В. Архангельский—О Гаршине. Н. Рубинштейн — Об А. Григорьеве. А. Михайлов – Марксистская история эстетики. Р. Шор—О статье проф. Е. Полованова. ХРОНИКА
Стр. 169. Ц. 1 р.
Подп. ц. на год—6 кн. 5 р. на 6 м. — 3 р.
ПОДПИСКА И ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ ГОСИЗДАТА И КИОСКАХ

Читайте № 27
ЕЖЕНЕД. ЖУРНАЛА САТИРЫ И ЮМОРА
ЧУДАК
В НОМЕРЕ:
Мих. Кольцов—О мужчинах, которые обманщики.
Тур — Колесница Соломона.
Ефим Зозуля — Маленькие рассказы.
Ник. Погодин — Из жизни чудаков.
А. Старосельский— Кабинет восковых фигур.
И. Ильф — Источник веселья.
РИСУНКИ ХУДОЖНИКОВ:
И. Малютина, К. Ротова, А. Раданова, Б. Малаховского, В. Козлинского и др.
Слезай—приехали! Рычи— читай! Веселящий газ! Семейный альбом!
НОМЕР ОТПЕЧАТАН в 8 КРАСОК.
Цена отдельного номера 15 к.
Требуйте у всех газетчиков и во всех железнодорожных киосках.

ГОСИЗДАТ
ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ ЖУРНАЛ
ВЕСТНИК ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
№ 3
орган международного бюро революционной литературы
В номере:
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА:
К. МАЭДАКО.—Пятна на солнце (повесть). АВГУСТ ГАЙЛИТ.—Новохозяин из Тайваскоды (повесть). БРУНО ЯСЕНСКИЙ.—Был хам (стихи). ГАНС ЛОРБЕЕР.—Человека истязают (роман, окончание). КУРТ КЛЕБЕР.—Песня шанхайского грузчика (стихи). ЭРИХ МЮЗАМ.—Песня интеллигентов (стихи). ЭМИЛЬ МАДАРАС.—Когда вернется Андрей (рассказ). АНАТОЛЬ ГИДАШ.—Улица жасмина (стихи). ЛЕОНИДАС БАРЛЕТТА.—Работа старой Милагросе (рассказ) ЭСТЕЛЛИ. — Милан (очерк).
СТАТЬИ и ОБЗОРЫ:
СЕРГЕЙ РОМОВ.—От дада к сюрреализму (с 13 иллюстрациями). ЭС-ХАБИБ-ВАФА.—Драма Индустани. ЕВГЕНИЙ БРАУДО.—Современная музыка на Западе. Г. САНДОМИРСКИЙ.—Фабрика или арсенал.
ЗАПАД и ВОСТОК (ХРОНИКА):
А. ЛУНАЧАРСКИЙ.—Анатоль Гидаш. Н. U.—Фашистская и антифашистская литература в Италии. Леон Пьер-Кэнт.—Цивилизованное варварство. И. А.—Новая проза Верфеля.— Преображение К. Эдшмида. Н. Мар.—Декамерон и евангелие. Р. К.—Ш. Ф. Рамюз. Режи Марто.—История одной премии. Ф. Р.-З.—У Альфонса Додэ был «негр». Майкл Гольд.—Сакко и Ванцетти в американской литературе. Д.—Хватит Вудхауза. Юджин Лайонс.—Американский читатель и книга.
Rossica
ЕЛИЗ. ЧЕРНЯК.—Русская литература на Западе.
Стр. 256. Цена 2 руб.
№ 4 журнала „ВЕСТНИК ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“ посвящен 15-й ГОДОВЩИНЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ
Подписка и продажа во всех магазинах Госиздата и киосках.
Подписная цена: на год—6 книг—10 р., на 8 мес.—5 р. 50 к.

МАСТЕРА СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРА
СЕРИЯ КНИГ, ПОСВЯЩЕННЫХ ТВОРЧЕСТВУ ПОПУЛЯРНЫХ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.
ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ ВЫПУСКИ:
М. ЗОЩЕНКО—0.85 к.
Мих. КОЛЬЦОВ—1.20 к.
Бор. ПИЛЬНЯК—1.00 к.
Еф. ЗОЗУЛЯ—0.70 к.
И. БАБЕЛЬ—0.70 к.
3 руб.
ВМЕСТО 4 р. 45 к. цена на эти пять выпусков с пересылкой установлена в три рубля. Заказы на комплекты исполняются наложенным платежом. Отдельные выпуски высылаются только по получении денег (можно почтовыми марками).
ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ АДРЕСОВАТЬ:
МОСКВА, 6, Страстной бульвар, 11, АКЦ. ИЗДАТ. О-ВУ „ОГОНЕК“.

Об'явления в „Литературную Газету“ принимает Рекламотдел Акционерного Издательского Общества ОГОНЕК—Москва, Страстной бульвар, 11.

Главлит А 43055.
7-я типография «Искра Революции». Мосполиграф, Москва, Филипповский пер., 13.